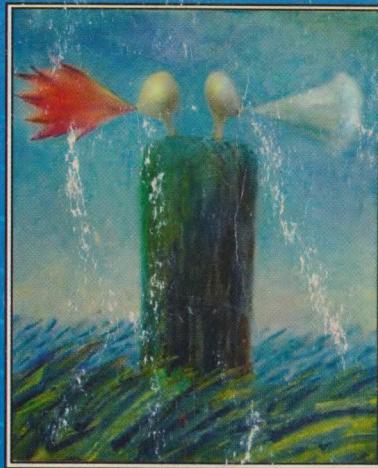

ПЕТЕР КУТТЕР

ЛЮБОВЬ НЕНАВИСТЬ ЗАВИСТЬ РЕВНОСТЬ

ПСИХОАНАЛИЗ
С ТРАСТЕЙ

60-00

ISBN 5-88925-034-5

9 785889 250346

ПЕТЕР КУТТЕР

**ЛЮБОВЬ,
НЕНАВИСТЬ,
ЗАВИСТЬ,
РЕВНОСТЬ**

**Психоанализ
страстей**

PETER KUTTER

**LIEBE,
HASSEN,
NEID,
EIFERSUCHT**

Eine Psychoanalyse
der Leidenschaften

ПЕТЕР КУТТЕР

**ЛЮБОВЬ,
НЕНАВИСТЬ,
ЗАВИСТЬ,
РЕВНОСТЬ**

Психоанализ
страстей

Б.С.К.

Санкт-Петербург
1998

ББК 88
К 95

Куттер Петер

К 95   Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ
страстей. Перевод с немецкого С. С. Панкова. — СПб.:
Б.С.К., 1998. — 115 с.

ISBN 5-88925-034-5

Профессор д-р Петер Куттер, известный Штутгартский психоаналитик, автор книги «Современный психоанализ», в течении 20 лет преподавал на факультете психологии Университета Франкфурта-на-Майне. В книге «Психоанализ страстей» Петер Куттер рассматривает человеческие чувства с точки зрения психоанализа и излагает основные принципы психоаналитической теории. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 5-88925-034-5

© Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen,
1994.

© С.С. Панков, перевод на русский язык,
1998.

© Б.С.К., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

	6	Введение
Глава первая	9	Феноменология бесчувственного общества
Глава вторая	17	О сущности понятий: влечение, чувство, аффект, страсть, эмоция
Глава третья	26	Страсть, мораль и здравый смысл
Глава четвертая	31	Любовь и эротика
Глава пятая	47	Сексуальность и любовь
Глава шестая	56	Злость, озлобленность, гнев и ярость — деструктивные страсти
Глава седьмая	70	Зависть и ревность — два способа быть несчастным
Глава восьмая	90	Жадность и любопытство
Глава девятая	96	Корыстолюбие, скупость, властолюбие и честолюбие
Глава десятая	105	О возможности нового отношения к страстям
	111	Библиография

ВВЕДЕНИЕ

*Приходишь в смятение,
когда осознаешь, в каком бесчувственном
и бесстрастном мире мы живем, однако и в этом
мире, которым правит техника и экономические
интересы, люди не перестают зависеть
от воздействия пылких чувств, даже в том
случае, если последние вытесняются за порог
сознания. Поэтому разговор о страстиах
не лишен смысла.*

*Речь в этой книге пойдет о чувствах, эмоциях
и страстиах; о сложном взаимоотношении
между страстью, моралью и здравым смыслом;
о любви и эротике, о любви как «чувственном
диалоге»; о ненависти, ярости, гневе и злости;
о мстительности, зависти и ревности.
Не ускользнут от нашего внимания корыстолюбие
властолюбие и честолюбие, жадность,
любопытство и преклонение. В заключение мы
поговорим о возможности нового отношения
к страстиям.*

В книге представлены суждения по поводу вышеназванных феноменов, существующие в рамках психологии, психоанализа и философии. Повторяя уже известное, я постараюсь расставить акценты по-новому, следуя тому ритму, который задают слова, обозначающие ту или иную страсть.

Несмотря на то что, излагая свою версию сущности человеческих страстей, я вынужден постоянно ссылаться на ограниченность научного подхода, я не тяготею к области иррационального, а строго следую науке. Сказал же Паскаль в своих «Размышлениях», что «сердце разумеет то, что разуму не под силу». «Сердце» я заменяю на «страсть».

Паскаль говорил об отношении к Богу; моя же тема — отношение к собственной личности и окружающим, поскольку именно этот вопрос исследует психоанализ. Отношение это всегда аффективное, чувственное, страстное. Эмоциональные расстройства можно устраниТЬ, высвободив вытесненные аффекты и оживив дремлющие страсти, что приводит к повторному переживанию прежней эмоции (нем. Re-Emotionalisierung). Если подобные чувства не оживаются, то их может «конституировать» первичное переживание (нем. primäre Emotionalisierung), иначе говоря, они могут возникнуть из своего непосредственного источника — влечения. В этом случае страсти превращаются в силы,

*дарующие нам целительное волнение,
скрепляющие межличностные связи и дающие
ответ на краеугольные вопросы человеческого
бытия.*

*Самое главное – заново открыть для себя
язык чувств, аффектов и страстей,
которому не сможет обучить
посторонний.*

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ БЕСЧУВСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Мы живем в сложном мире, отягощенном непростыми политическими проблемами, которые усугубляет экономическая ситуация, сопряженная с безработицей и сокращением социальных льгот. Иссякают источники энергии; затягивается насущная реформа образования. Из-за резкого скачка цен на лечение и реабилитацию возросла стоимость медицинской страховки. Перед людьми встают небывалые проблемы, связанные с головокружительным по скорости ростом населения нашей планеты. Политики и экономисты пытаются найти выход из сложившейся ситуации, привлекая к сотрудничеству различных специалистов. Создаются кризисные комитеты. Контроль за экономическими, политическими и социальными процессами требует сложнейших математических расчетов, которые осуществляются с помощью компьютеров.

Используя современную вычислительную технику, человечество стремится стать хозяином положения и рационально управлять данными процессами. В результате возникает *технократия*, иными словами, господство техники, развитие которой в конечном счете

начинает определять экономическую и политическую ситуацию.

Человеку не находится места в мире, порабощенном техникой. Его с успехом заменяют механизмы. В том случае, если все же используется труд человека, от последнего требуют уподобиться работе или персональному компьютеру. В таком мире неважно, что у человека могут быть какие-то личные потребности, чувства и желания. *Чувства* пользуются не большим уважением, чем сентиментальность. *Страсти* вообще считаются анахронизмом. Даже в период отпуска человек попадает в сферу индустрии туризма и бывает вынужден подчинить свои желания ее правилам.

Положение в современной литературе является отражением общественной ситуации: месяцами держатся в списках бестселлеров специальные книги, посвященные социально-политическим проблемам. Неизменно количество книг о путешествиях; короткие рассказы и эссе стали ведущей литературной формой нашего времени. Если речь в книге заходит о *чтениях*, то это чувства, связанные с освобождением от иллюзий. Их выживают до предела и затем отбрасывают за ненадобностью. Кажется, мы позабыли, что люди могут жить иначе: трепетать от *страсти*, запутываться в сетях взаимной ненависти, которая способна преследовать человека не только дни и месяцы, но и годы; изнемогать от несчастной любви, мучиться ревностью, зеленеть от зависти, бледнеть от бешенства, жертвовать собой в состоянии беспамятства, быть безжалостными в мести.

Драмы, романы и эпос свидетельствуют о том, что человеческую жизнь наполняют страсти. Об этом повествуют древнегреческие мифы и трагедии и романтическая литература XIX века. Романы, подобные «Страданиям юного Вертера» И. В. Гете, не только отражают

чувства, характерные для своего времени, но и влияют на читателя посредством идентификации. Чувства давлеют над людьми. Страсти управляют ими. Если бы существовала форма правления, соответствующая определенному чувству или страсти, то можно было бы вести речь о *пассиократии*, то есть о господстве страстей.

Технократия проникла не только в архитектуру, естественные науки и медицину, но и в науки гуманитарные: из психологии, учения о душе, пытаются изъять понятия страсти и чувства, заменяя их на такие точные с естественнонаучной точки зрения понятия, как эксперимент, статистика и математическая закономерность. Эта тенденция не миновала даже психоанализ: предпочтение теперь отдается не многолетнему анализу по пять-шесть часов в неделю, а разнообразным формам психоанализа, адаптированным для групповой терапии, лечения, политологии, социальной работы и педагогики. С теоретической точки зрения такой подход представляется многим людям чересчур абстрактным, образно говоря, неспособным держать руку на пульсе современности и, в частности, к чувствам и страстям отношения не имеющим. Реакцией на это явилось возникновение так называемых новых терапий, например «первичной терапии», в рамках которой, пожалуй, впервые делается упор на бессознательную, вытесненную боль, а также «разговорной психотерапии», ставящей своей целью обнаружить и назвать чувства. Большим успехом пользуются также секты и эзотерические общества (например New Age).

Мы уже почти не способны на спонтанное выражение чувств. Наше рабочее время рассчитано с точностью до секунды, и мы всегда знаем, что будем делать в следующее мгновение. Под диктатом механической деятельности оказывается не только человек, работающий на

конвейере, но и служащий; вместе со своим начальником он подчиняет свою жизнь деловому расписанию, в котором не учитывается его личная свобода, гарантированная каждому гражданину конституцией. Даже поведение человека в свободное время запрограммировано: достопримечательности производятся словно на конвейере, фотографируются и рекламируются с помощью путеводителей. Для неожиданных, непредсказуемых переживаний, романтических встреч времени просто нет.

Поэтому неудивительно, что личность человека превратилась в застывший «панцирь характера», ограничивающий личность изнутри теми же рамками, что давлеют над ней *извне*. Такая личность, «авторитарный характер» (Adorno et all.), находясь под влиянием внешней авторитарности, в свою очередь авторитарно воздействует на окружающих и, вместо того чтобы жить свободно, неординарно и независимо, существует экономно, ординарно и аккуратно. Подобные люди потеряли связь со своими чувствами. Поступают они рационально, мыслят прагматично и «функционируют» внешне безупречно. Они делают то, что требует от них общество, лозунг которого — бесстрастный человек в бесстрастном мире.

Существо, которое в прежние времена именовалось в психотерапии бесчувственным, равнодушным психопатом, превратилось сейчас в широко распространенную особь «марионетки цивилизации». Люди этого типа любить не в состоянии, поскольку не могут выносить длительного и глубоко аффективного контакта с другим человеком. Они с легким сердцем разрывают отношения, не обращая внимания на чувства верности и благодарности, ибо вина и печаль им чужды; они холодны и бессердечны.

Современный мир — мир бесстрастный, бесчувственный. Симптомами, указывающими на «болезнь» обще-

ства, являются наркомания и алкоголизм, проникшие во все социальные слои, а также рост преступности и насилия, которое принимает особенно угрожающие формы, когда дело касается меньшинств. Нельзя забывать и о бесчисленных психических расстройствах: психозах, неврозах и психосоматических заболеваниях; количество людей, страдающих такого рода расстройствами, и терапевтов, занимающихся их лечением, увеличивается год от года.

Люди, страдающие такими психосоматическими расстройствами, как язва желудка, гипертония и астма, в принципе, больны «аликситимией» (Niemiah & Sifneos). Отметим, что греческое «а» означает отрицание, «lexis» переводится как «слово», а «thymos» — «чувство». Следовательно, люди, о которых идет речь, не способны выражать свои чувства словами, поскольку они попросту не могут адекватно воспринимать свои ощущения. Их телесная чувственность, а следовательно, жизньискажены. Они опустошены, безразличны, не способны чувствовать, а значит, не способны поддерживать отношения с другими людьми, поскольку отношения эти, равно как и ощущение собственного тела, оказываются нездоровыми. Это не означает, что подобные люди одиночки в буквальном смысле. Они работают в коллективе, они делят жизнь и ложе с другим человеком, но не испытывают при этом никаких чувств.

Поэтому не стоит удивляться тому, что феномен отсутствия чувственности считается в рамках медицины, в особенности медицины психосоматической, серьезной проблемой. В этой связи говорят о «симптоме Пиноккио», проводя параллели между людьми, страдающими упомянутыми расстройствами, и марионеткой с деревянной душой. В своей книге «Кто сделан из дерева?» Жан Фудрен, отвечая на поставленный в заглавии

вопрос, без колебаний заявляет, что чаще всего впечатление «деревянного» человека производит не пациент, а врач. Приходится с этим отчасти согласиться, поскольку, как отмечалось выше, деловая рутина, обусловленная технократией, проникла и в медицину: врачу не хватает времени на то, чтобы в спокойной атмосфере доверительно побеседовать с пациентом. Получается, что сама медицина страдает «алекситимией».

Не стоит удивляться и тому, что в основе своей структура характеров большинства из нас более или менее соответствует особенностям, типичным для пациента, страдающего психосоматическим расстройством. Разумеется, степень заболевания различается. Однако следует отдавать себе отчет в том, что *всех нас* (это я заявляю однозначно), учитывая условия нашей жизни, можно назвать «больными».

Невроз, психосоматическое расстройство или психоз — лишь экстремальное выражение общего правила. В случае, если нас обошел стороной явный недуг, констатировать который помогают известные симптомы, то это указывает лишь на то, что мы разучились замечать бесчувственность окружающего нас мира. В своем эссе «Неудовлетворенность культурой», опубликованном в 1927 году, и гораздо раньше, в 1908 году, в менее известной и небольшой по объему статье «О культурной половой морали и современном состоянии психики» Зигмунд Фрейд указывал на то, что господствующее общество стремится подавить влечения индивида. Данное стремление чревато девальвацией чувств, особенно тогда, когда речь идет о чувствах интенсивных и длительных, иными словами, о страстиах. Чувства и страсти прочно забыты, и мы даже не ощущаем на сознательном уровне связанного с этой потерей дефицита. Нам кажется, что наша жизнь безукоризненна, между тем

она находится в состоянии стагнации, и многие из нас, если и не страдают от внутренней опустошенности и бесмысленности, то, по крайней мере, ощущают определенного рода неудовлетворенность.

Причина этому — глобальное обесценивание всего того, что имеет отношение к страстям, или, формулируя эту мысль иначе, идеализация бесстрастности, рационализма, техники. Не стоит себя обманывать: психоанализ индивида показывает, что психическое содержание, отброшенное защитными механизмами, не разрушается и не исчезает полностью. Оно продолжает существовать на бессознательном уровне. Наличие данного содержания можно установить, регистрируя симптомы «патологии» общества, например наркоманию, потребительскую психологию и насилие. Барометром для определения напряженности в обществе служат молодые люди, подростки, дети, точно так же, как при оценке «патологии» семьи; часто бессознательное поведение детей указывает на существование определенных общественных проблем. Дело неравнодушных людей — зарегистрировать эти сигналы и попытаться понять, о каком именно расстройстве они свидетельствуют, чтобы впоследствии разобраться в причинах неблагополучного развития. Исследуя причины данных расстройств согласно диалектическому принципу психоанализа, приходишь к выводу, что в появлении бессчувственности во многом повинно воспитание.

Речь идет о *воспитании, лишенном чувств*, лишенном эмпатии по отношению к ребенку, о воспитании, педантично следующем педагогическим правилам, из-за которого человек с самого раннего возраста пристраивается к рационализму, но не получает ни одного урока чувственной жизни. Речь идет о так называемой социализации, в рамках которой человеку не дается даже «социальное образование», не говоря уже об «образовании

аффектном» или, лучше сказать, «сердечном»; все это заменяет то, что Александр Мичерлих (1963) назвал «специальным образованием». Человек, не получивший урока сердечности, — существо бесчувственное. Если же ему недостает социального образования, то он превращается в нарцистически настроенного эгоцентриста, который скорее «функционирует», чем живет в коллективе, не вступая ни в какие отношения с окружающими.

Психоаналитикам, для того чтобы добиться успеха в аналитическом процессе, необходимо предпринять в качестве «подготовки» «переоценку» собственных ценностей; только тогда они смогут извлечь на поверхность сокровища, таящиеся в душе пациента. С первого взгляда находка психоаналитика напоминает скорее слепую ненависть или обжигающее бешенство, праведную ярость или жестокость, чем творческие достижения, нежное благование или горячую страсть. Однако обнаруженные чувства следует воспринимать такими, какие они есть, и *терпеливо их сносить*. В данном случае в атмосфере, пронизанной терпимым отношением к страстям, рано или поздно будет достигнуто необходимое согласие.

Пришла пора заново открыть для себя позитивные аспекты страстей. Человек — не только *homo sapiens* или *homo faber*, но и творческое существо, создающее символы, осознающее самое себя, имеющее собственную волю и способное на ее выражение. Человек — это еще и *homo sentiens*, чувствующее существо, подверженное волнениям, готовое любить и ненавидеть и живущее прежде всего этим. Декарт сказал: «*cogito, ergo sum*», «я мыслю, значит, существую»; на мой взгляд, к его словам можно добавить «*sentio, ergo sum*», «я чувствую, значит, существую». Необходимо осознать огромное и исключительное значение страстей, которые дают нам возможность чувствовать жизнь.

**О СУЩНОСТИ
ПОНЯТИЙ:
ВЛЕЧЕНИЕ,
ЧУВСТВО, АФФЕКТ,
СТРАСТЬ, ЭМОЦИЯ**

В школе мы учимся читать, считать и писать, в институте постигаем математику, биологию, языки и обществоведение, однако никто не преподает нам уроки жизненной практики. Таким образом, наше образование сводится к *познанию*, но не является *аффективным*. Задача данной книги не ознакомление со страстью, а, скорее, *эмоциональное образование*, иными словами, образование, пронизанное чувствами, что попутно является и *социальным образованием*, обучением, ориентированным на отношения с окружающими людьми.

Для того чтобы обрести реальную возможность решать те или иные жизненные проблемы, необходимо изучить базовые стереотипы душевной деятельности. Мышление, речь и, не в последнюю очередь, письмо всегда сопровождаются чувствами. Например, читателю может нравиться или не нравиться тема данной книги; сообразно с чувствами формируется и реакция: человек может проникнуться чувством под влиянием прочитанного или же отнестись к этому отрицательно и полемически.

В 1895 году в работе «Исследование истерии» Фрейд однозначно заявлял, что психоанализ — это метод, который ставит своей целью «вытащить на свет спящее воспоминание о побудительном происшествии», «попутно пробуждая сопровождающий его аффект», поскольку «воспоминания, лишенные аффекта, почти всегда безрезультатны». Данная цель выпала из поля зрения психоанализа, и произошло это не только под влиянием так называемой эго-психологии, ориентированной на естественно-научный подход, но и под влиянием социальных штудий, связанных с «критической теорией» и ее эпигонами. Психоанализ превратился в рациональную эго-психологию, в чистую «теорию интерактивности», в рамках которой воспоминание подвергается только лингвистической проработке.

Необходимо наверстать упущенное, заполнить образовавшиеся в психоанализе прорехи, обратившись к незаслуженно забытым страстям. Для того чтобы вести разговор на тему, имеющую непосредственное отношение к личным чувствам, необходимо ясно представлять, какой смысл вкладываем мы в то или иное понятие.

1. *Влечения*, согласно Фрейду, являются основными побудительными силами, заявляющими о себе с определенной периодичностью или циклично. По сути, влечение — это настоятельное требование, стремящееся любой ценой к удовлетворению.

Данное понятие в столь крайней формулировке подходит, пожалуй, к описанию голода или жажды, бодрствования или сна. Однако в контексте теории сексуальности психоанализ решительно акцентирует инстинктивный аспект полового поведения и переживаний. Сексуальность тесно связана с влечением, однако вместе с тем, она выходит за рамки влечения. Сексуальное вле-

чение включает в себя определенный мотив или желание и аффект. Общим знаменателем желания и аффекта оказывается физиологическое возбуждение, которое естественным образом дополняется общим волнением и требует своего разрешения посредством действий и реакций, продиктованных влечением.

2. *Чувства* являются душевным порывом, который двигает человеком изнутри. Например, чувство радости человек переживает при встрече с любимым, а чувство ненависти к тому, кто вставляет ему «палки в колеса». Подчас человек пассивно предается чувствам, предоставляем им полную свободу. Однако нередко мы активно проявляем, например, дружеские чувства. Индивид испытывает также такие теплые чувства к окружающим, как благодарность. Окружающие могут ответить человеку взаимностью или нет. В первом случае чувства переживают свой «эпогей». Однако чувства возникают не только в процессе межличностных отношений. Люди «с чувством» говорят о работе, «с чувством» выполняют задание, наблюдают за тем или иным явлением «со смешанными чувствами» и т. д. Любая живописью, мы испытываем определенное чувство. Художественный объект влияет на нас подобно внешнему раздражителю, и коль скоро мы не превратились в бездушные машины, это означает, что раздражаются наши чувства. По крайней мере, мы не можем остаться совершенно безразличными.

В этой связи в рамках психологии речь заходит о чувстве *переживания*. В данном случае чувства имеют отношение к объектам: не только к людям, но и к животным или к природе в целом. Вместе с тем они связаны с определенными ситуациями, которые носят социальный характер. Поэтому чувства — это *социальный феномен*.

Будь то позитивное чувство любви или негативное чувство ненависти, оно всегда направлено на постороннего. Однако самовлюбленность и самобичевание имеют отношение только к собственной личности.

Чувства непосредственно связаны с *фантазиями*, с целым сном воображаемых образов. Представляя любимого человека, мы переполняемся нежными чувствами; воображая врага, ощущаем неприязнь и отвращение. Чувства, охватывающие нас, являются вторичными, производными от первичных, ярких фантазий, поскольку они окутывают воображаемый образ. Чувства издавна оценивались с точки зрения их приятности и неприятности. Счастливые чувства всегда противопоставлялись несчастным.

Чувства самым тесным образом связаны с личностью индивида. Наравне с сознанием человек обладает чувством собственного достоинства и самоощущением. Чувство собственного достоинства сопровождается и окрашивается разнообразными чувствами в зависимости от ситуации. Данное чувство, безусловно, *субъективно*, однако вместе с тем независимо от *объективного* возбудителя и способа возбуждения. Так, одна и та же женщина вызывает у разных мужчин различные чувства. Один до смерти в нее влюбляется, другой находит ее отталкивающей, между тем как третий, на удивление, остается просто равнодушным. Это объясняется тем, что возникающее чувство предопределено преобладающими фантазиями. Если последние пронизаны чувствами, то следует вести речь о чувственно окрашенных фантазиях.

Согласно «трехмерной теории чувств» Вильгельма Вундта, чувственно окрашенные фантазии, определяющиеся удовольствием и неудовольствием, возбуждением и отсутствием такового, волнением и разрядкой, являются «единственным в своем роде принципом», «психи-

ческой каузальностью *sui generis*», иначе говоря, психическим мотивом как таковым.

Чувства — это «элементы души», которые, согласно Веллеку, сосуществуют в полярном состоянии и, в соответствии с «элементарной теорией чувств», не могут быть сведены к посторонним мотивам. Вместе с тем вторично их определяют внешние и внутренние возбудители, зависящие от фантазий.

3. *Аффекты* следует отнести к особой группе чувств, для которых характерны краткий срок активности, высокое напряжение и сопровождающее их состояние физического возбуждения. В отличие от чувств, аффекты почти всегда возникают в виде реакции. Слово «аффект» произошло от латинского *«af-ficir»*, что в переводе означает «добавлять». Аффекты — это «витальные (грубые) ответные реакции», реактивные процессы, при которых происходит отреагирование напряжения; «дискретные реакции, для которых характерна высокая интенсивность». Спрашивается, реакции на что? Например, на определенные сильные переживания, возникшие в процессе контакта с окружающими. Если человека компрометируют, он может почувствовать себя уязвленным, и реакцией на это окажется гнев. На измену возлюбленного человек может отреагировать взрывом ярости.

Следует отметить, что говоря об аффектах, мы приближаемся к разговору о страстиах, поскольку ведем речь о чувстве, переживаемом с особой интенсивностью, о стремительном душевном порыве, который значительно ограничивает возможности разумно контролировать свои действия, рассматривать себя критически и правильно оценивать ситуацию. Когда человек охвачен гневом, то люди нередко говорят, что он совершает «необдуманные действия в состоянии аффекта». То же самое мы говорим о себе, когда от переизбытка чувств

перестаем понимать, что делаем, или позволяем увлечь себя на безрассудство.

Аффект — это стремительная реакция на внешний возбудитель; длится аффект, как правило, недолго, но проявляется весьма активно. Он может до такой степени овладеть человеком, что способности последнего сознательно воспринимать ситуацию окажутся, по меньшей мере, ограниченными или его сознание помутится. Это наносит вред таким интеллектуальным функциям, как мышление, память, восприятие, адекватное поведение. Аффекты, будучи стремительными душевными порывами и буквально взрывом чувств, не дают человеку возможности спокойно взвесить все за и против.

Аффекты, подобно чувствам, всегда ориентированы на объект. Любое отношение аффективно; в его рамках люди общаются на языке аффектов, который простирается от слез до смеха. Мы позабыли этот язык, но у нас есть шанс его заново выучить. Следует только знать, что выражаются аффекты посредством сокращения мышц, мимики, жестикуляции, позы, модуляции, тембра и интонации голоса, а также заявляют о себе множеством других невербальных сигналов.

4. *Страсти* столь же стремительны и интенсивны, что и аффекты, однако они не кратковременны, а продолжительны. Страсти могут пронизывать жизнь человека неделями, месяцами и даже годами. Великий философ XVIII столетия Иммануил Кант дал, на мой взгляд, непревзойденное по точности определение страстям и аффектам: «Аффект — это неожиданность, он возникает внезапно, стремительно достигает того уровня, при котором исключено обдумывание, является безрассудством. Страсти необходимо время для того, чтобы глубоко пустить корни, она более обдуманна, но может быть стремительной в дос-

тижении своей цели. Аффект действует, как поток воды, сокрушающий дамбу, а страсть — как глубоководное течение, которое несется по определенному руслу».

Определение страсти как чувства, для которого характерен более высокий уровень возбудимости, обуславливающий смещение на второй план всех иных чувств, является *количественным*. С *качественной* точки зрения страсть полностью захватывает человека. Она сопровождается конкретными представлениями и желаниями, которые стремится исполнить. Страсть охватывает человека с головы до ног и, подобно чувству и аффекту, ориентирована строго на объект: страстная любовь влечет нас к близнему, страстная ненависть отталкивает от него. Страсть полна энергии. Она волнует и возбуждает. Страсть настойчива и упорна, сконцентрирована на своей цели вне зависимости от того, идет ли речь об азартных играх, рыбалке, общественных мероприятиях, дельтапланеризме. Кстати сказать, таким образом мы дали новое определение страсти, поскольку в бытовом языке под страстью, как правило, подразумевают нечто пассивное, просто выпадающее на долю человека. У слова «страсть» есть много общего со словом «страдание». Латинское «passio» можно перевести как «страдание». Тем не менее люди не пассивно подчиняют свою жизнь страсти, во многом они страстны *сами*.

Пружина страсти кроется в физиологии. Из этого источника проистекает энергия страсти. Вопрос в том, воспринимаем ли мы данную энергию пассивно или активно, используем ли ее в качестве определенного потенциала, преобразуя ее в мышление, познание, разнообразные действия.

Влечения, коренящиеся глубоко в личности, проис текающие из физиологического источника и являю щиеся «несгибаемыми, неотложными, категоричными»

(З. Фрейд, 1933), питаются страсти. Влечения приводят к напряжению тела, которое можно зафиксировать, периодически нарастают и стремятся достигнуть своей цели — разрядки. В отличие от влечений, страсти не обязательно ведут к непосредственной разрядке. Страстный человек постоянно находится в напряжении. Его мечты и помыслы не иссякают и не сокращаются. Пружины его влечения всегда на взводе. Всю личность пронизывает одна всепоглощающая страсть.

5. *Эмоции*. В переводе с греческого «эмоция» означает «выпрашивать». Иными словами, страсть, глубоко пустившая корни в грунт физического тела, стремится под давлением влечения достигнуть своей цели, заявляя о себе более или менее открыто. Способ выражения зависит от человеческого характера, структура которого, в свою очередь, есть *результат длительного развития в процессе жизни, сотканной из межличностных контактов, следы которых преобразовались в структурные элементы*. Разумеется, люди одинаково реагируют на некоторые внутренние и внешние возбудители, так называемые *стереотипные возбудители*. На преследование все мы в той или иной степени реагируем бегством; во время пожара в кинотеатре или отеле неминуемо возникает паника. Конрад Лоренц и Иреней Эйбл-Эйбесфельд продемонстрировали, что мы разделяем с животными такие врожденные стереотипы поведения, как бегство или борьба, преследование противника и домогательство, связанное со спариванием. *Наследственные, врожденные стереотипные реакции варьируются в данных рамках, однако способы их выражения у людей зависят от их социализации*.

Таким образом, эмоции или, выражаясь точнее, *страсти* являются значительными психическими силами

длительного действия, полностью охватывающими личность человека. Они подпитываются из резервуара влечений. Они выражаются специфически, в зависимости от субъективных черт обуреваемого страстями человека. Они врачаются вокруг удовольствия и неудовольствия и проявляются в виде телесного возбуждения, но не следуют схеме «напряжения и разрядки», а *характеризуются длительным напряжением*.

Страсти способствуют метаморфозам человеческого бытия, дают возможность ощутить вкус жизни, наполняют существование смыслом. Они преображают нас и наших близких; будучи реализованными, они приводят, как сказал Жан-Поль Сартр в эссе по теории эмоций, к «спонтанному преобразованию мира».

Жить страстно значит выполнять свою работу с восхищением и энтузиазмом, не избегать окружающих, ощущать эмпатию к близким, поддерживать с ними отношения, не испытывать страх перед перспективой сойти с намеченного пути, познавать душу и тело.

Быть страстным значит с головой бросаться в любовь, что называется по-английски *to fall in love*, предаваться ненависти, завидовать чужому счастью, беспощадно преследовать соперника, страдая от ревности, быть страстным поборником какой-нибудь политической, научной или художественной идеи, выступать за то, против чего настроены все, рискуя заработать одни лишь неприятности.

Выдвинув такое позитивное определение страсти, мы получаем возможность пристально рассмотреть в следующей главе сложные взаимоотношения страсти, морали и здравого смысла.

**СТРАСТЬ,
МОРАЛЬ
И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ**

Уже предшественники Сократа заявляли: «Остерегайтесь будить страсти». Платон тоже находился под впечатлением данной точки зрения, когда противопоставлял возвышенные идеи вещам.

Описывая в «Никомаховой этике» такие страсти, как наслаждение, алчность, ярость, радость, ненависть и зависть, Аристотель назвал их «душевными порывами». Он заклеймил их «безудержность», объявив это свойство «изъяном», и высказался в пользу добродетели, ценности, уравновешивающей крайности, причислив, однако, наслаждение к числу страстей, способствующих любви. «Вопрос о том, желаем ли мы любви из-за жажды наслаждения или жаждем наслаждения из-за любви, остается открытым. Поскольку и то и другое связано между собой столь тесно, что разделить любовь и наслаждение невозможно. Ясно, что наслаждение приносят только определенные действия, а любое действие ведет от наслаждения к совершенству».

Для стоиков страсти — это следствие «интеллектуального изъяна»; являясь «безрассудными душевными порывами», страсти помещаются «вне разума». В данном

случае на первый план однозначно выступает морализаторство. Страсти отвергаются прежде всего по причине их безрассудства и вреда.

Для Фомы Аквинского, как и для Платона, нравственная добродетель и страсть — понятия не взаимоисключающие. Согласно Фоме Аквинскому, «страсти ни хороши и ни дурны». Они даже выражают духовное стремление, свободную волю разума. Вместе с тем они часто приводят к эгоцентризму, к таким «похотям», как любовь, желание и наслаждение и к таким «воинственным» проявлениям, как гнев и ярость. Однако воле и разуму отведена роль упорядочивания. Таким образом, оценка, данная страстям, зависит от степени их подконтрольности рассудку.

С терпимым отношением Фомы Аквинского резко контрастируют бесчисленные отрицательные суждения средневековых отцов церкви. Их мнения сводятся к тому, что страсти — это смертный грех в глазах Бога. В число *семи смертных грехов* входят: неумеренность или чревоугодие, ярость или гнев, гордыня, алчность или жадность, леность или медлительность, праздность, а также порочность или развращенность. Особенно непримиримая борьба велась с похотью, сладострастием. Очернение сексуальности берет свое начало в Средневековье, и следы его заметны и поныне. Словом «похоть» клеймили не только непосредственно сексуальное, но и любое наслаждение, радости чувственной жизни, эротику, словом, все физическое. Чувства должны были быть рафинированными: мужчина поклоняется своей возлюбленной, почитает ее красоту и, презрительно отвергая сексуальность, пренебрегает телом своей избранницы. Фатальным образом любовь была поставлена в один ряд со смертью и недугом. Эта несчастная аналогия до сих пор причиняет множество страданий.

В *Новейшее время* проблема религиозного блага и греха перестала играть важную роль, которая отводилась ей в Средневековье. Тем не менее раскол между моралью и страстью сохраняется до сих пор.

Шопенгауэр в своей книге «Мир как воля и представление», с одной стороны, торжественно провозглашает «волю к жизни» — «экзистенциальным влечением» (нем. «Lebenstrieb»). Он пишет: «Все обращено и направлено на существование, на переживание его во всей полноте», причисляя к жизненным силам не только волю к самосохранению, но и половое влечение, этот «стержень экзистенциальных влечений». С другой стороны, согласно Шопенгауэру, данное влечение упраздняет мирские беззаботность, веселость и безгрешность, заменяя их на несчастье, а говоря словами самого Шопенгауера, «на беспокойство, меланхолию, удрученность, волнение и нужду». В связи с этим Шопенгауэр пришел к известному «отрицанию воли к жизни», в чем, однако, мы с ним не можем быть солидарны.

Фридрих Ницше отчетливо различал в людях «долю первобытности». В своей работе «Человеческое, слишком человеческое» он недвусмысленно заявил: «*Без наслаждения нет жизни*». В другом месте он заметил: «Алогичность страстей необходима для существования». Согласно Ницше, моральные заповеди церкви «на самом деле направлены против индивида и не желают ему счастья». «Могущество моральных предрассудков коренится глубоко в духовной <...> природе <...>, вредоносное, стесняющее, ослепляющее, вздорное».

Со следствиями вредного воздействия такого рода предрассудков сталкиваются современные аналитики и анализанды, стремясь освободиться от них в терапевтическом альянсе. Приходится объединенными силами бороться с «супер-эго», в котором концентрируются

нормы, приобретенные у родителей и общества и бессознательно порабощающие «эго». Психоанализ прежде всего — «выведывание» норм, продиктованных обществом. Термин «выведывание» я заимствую тоже у Ницше. Цель его — освободиться от влияния данных представлений или понизить степень их воздействия. Перефразируя знаменитое изречение Фрейда о том, что «ид должно стать эго», можно сказать, что «супер-эго должно стать эго». «Супер-эго», как сформулировал Фридрих Ницше, «мешает мощным влечениям выходить наружу». Следовательно, им не остается ничего иного, как «оставаться внутри, причиняя вред». Результат этого — психические расстройства и бездушие. Для того чтобы супер-эго превратилось в эго, «должны получить по заслугам», пишет Ницше, — величайшие преступления психологии, иначе говоря, необходимо признать: во-первых, «что всякое отвращение обезобразили, уподобив греху», во-вторых, «что всякое сильное наслаждение заклеймили как греховное», в-третьих, «что великим деянием признают лишь самоотречение, самопожертвование», в-четвертых, «что любовь искаженно понимают как самоотречение и альтруизм, между тем это приобретение или подарок от избыточно богатой личности», в-пятых, «что любовь представляют в виде наказания, счастье — в виде искушения, а страсти почитают дьявольским наваждением».

Пациенты психоанализа доказывают своими жалобами правоту Ницше. Больше всего они боятся заслужить осуждение аналитика за свои страстные желания, особенно тогда, когда выходят на поверхность вытесняемые годами чувства: непреодолимая жажда нежности, эротики, сексуального удовлетворения, оргазма.

Мысль о том, что страсти не только способствуют личному счастью, но и стоят на службе экономического,

политического и научного прогресса, впервые прозвучала в сатирическом памфлете мыслителя и поборника свободы Бернара де Мандевиля. В его басне о пчелах в аллегорической форме рассказана история двух народов. Один народ, предающийся страстям, процветает, а другой, живущий добродетельно, чахнет и беднеет.

При помощи модели, включающей в себя это, супер-это и ид, психоанализ как наука, изучающая бессознательное, как глубинная психология, пытается доказать нам то же самое, что излагали мыслители, диалектически разделявшие мораль и страсти, в рамках философии. По сравнению с грозным супер-эго, необузданными влечениями, исходящими из ид, и безжалостной реальностью это выглядит беззащитным. В таком случае это начинает исполнять, по словам Фрейда, высказанным им в работе «История психоаналитического движения» (1914), «смехотворную роль глупого Августа, который, присутствуя на цирковом выступлении, во что бы то ни стало желал внушить зрителям и своим гостям, что все номера на манеже исполняются по его команде». На самом же деле циркач сообразуется с другими силами — с поведением животных и реакцией публики. Животные — это метафора для ид, а зрители — для супер-эго и реальности.

Глава четвертая ЛЮБОВЬ И ЭРОТИКА

ЛЮБОВЬ

Любовь в своей активной и пассивной формах, когда в первом случае любят, а во втором — позволяют себя любить, а также в своем кратковременном варианте — влюбленности, и варианте длительном — страстной любви, занимает привилегированное положение в азбуке страстей.

Как показывает обыденная жизнь и психотерапевтическая практика, люди не становятся счастливыми от секса и порнографии. Современные молодые люди живут раскрепощенно, с легкостью меняя одного полового партнера за другим. Их практически не беспокоит чувство вины, досаждавшее их родителям и представителям так называемого скептического поколения. В данном случае прогресс в деле освобождения от прежних сексуальных табу очевиден.

Однако при ближайшем знакомстве с типом прогрессивно мыслящего человека, для которого нет ничего невозможного, начиная частой сменой половых партнеров и заканчивая групповым сексом, приходишь к другим

выводам. Зачастую такой человек не способен на любовь, которую он в то же время постоянно ищет и не находит. Таким образом, он никогда сам не испытывал чувства любви и не ведает, что это такое. В отношении чувств подобный человек ощущает себя опустошенным. Обладая функциональной «генитальной потенцией», он является «эмоциональным импотентом», у которого полностью блокированы чувства, имеющие отношение к любви и страстям. Каждая новая связь, на которую он в очередной раз возлагает свои надежды, его разочаровывает. Вспомогательные средства, например наркотики, которые он использует для того, чтобы заполнить невыносимый вакуум чувств, приносят лишь временное облегчение. Этот самообман неминуемо раскрывается, и тогда безжалостная реальность душевной пустоты может довести до отчаяния.

В Песне Песней Соломона есть такие слова: «Ласки твои лучше вина <...> Я изнемогаю от любви <...> Левая рука его у меня под головою, а правая ласкает меня <...> На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя <...> Души во мне не стало, когда он говорил <...> Крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподня, ревность <...> Стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, реки не зальют ее <...> Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением». В этих строках страсть выражена непосредственно. Здесь нет и тени пренебрежения или пуританской морали. Все чисто и непорочно, как в первый день творения; перед нами великолепный образец несокрушимой, незамутненной, необозначенной любви.

Сравняться ли с такой любовью чувства Казановы, величайшего ловеласа всех времен? В своих мемуарах он писал: «Ничему не обязан я так, как любви». Он без

смущения описывал пикантные подробности своих многочисленных похождений. Однако действительно ли он любил женщин, которых желал? Действительно ли ощущал он в экстазе обольщения высочайшее блаженство? С точки зрения современной глубинной психологии Казанова — это несомненно сексуально одержимый, но, в принципе, неспособный на любовь человек, принадлежащий к тому распространенному сейчас типу молодых людей, который характеризует постоянная смена половых партнеров, что объясняется отсутствием душевных сил, необходимых для длительных отношений. Элементы негативной тенденции кроются в стойком желании отвергать одну женщину в угоду другой. Не обнаруживается ли здесь скрытое женоненавистничество? Подобным же образом ведут себя и сексуально одержимые женщины, часто меняющие мужчин. В основе их действий также лежит неспособность любить по-настоящему.

Возникает вопрос, почему именно страстная любовь столь редко бывает счастливой не только в романах и драмах — вспомним хотя бы роковое заблуждение, погубившее Ромео и Джульетту, смерть Тристана и Изольды, — но и в жизни?

ВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ НА ЛЮБОВЬ

Современная психология рассматривает любовь как уравнение с тремя неизвестными: интимностью, сексуальностью и ответственностью.

Роберт Дж. Стернберг (1988) прекрасно продемонстрировал несколько принципов, действующих в рамках треугольника интимности, страсти и ответственности,

в соответствии с которыми можно определить типологическую принадлежность любви:

1. Крайне выраженная интимность, душевное расположение, при отсутствии сексуальности и ответственности.

2. Крайне выраженная страстная любовь, когда индивид, минуя межличностные отношения, попадает в зависимость от другого человека при наличии сексуальности и отсутствии ответственности.

3. Крайне выраженная абсолютная ответственность, лишенная сексуальности и интимности.

Для того чтобы убедиться в практическом значении данных экстремальных формулировок, следует рассмотреть следующие двойные комбинации трех основных характеристик:

— связь сексуальности и интимности, существующая при *романтической любви*, но подразумевающая *любовь страстную*.

— связь интимности и ответственности в рамках *товарищеской* или *партиерской* любви, из которой исключена сексуальность.

— *совершенная любовь*, при которой три ее компонента, словно зрелый плод, находятся в состоянии равновесия, именуемого Стернбергом «Balanced Triangle»(1988), сбалансированным треугольником, и любовь после фазы своего развития балансирует между интимностью, сексуальностью и ответственностью.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ЛЮБОВЬ

1. *Бессознательная побудительная сила любви — половое влечение*, энергия которого, либидо, проистекает из физиологического источника

и любой ценой стремится к своей цели, удовлетворению. Для достижения данной цели необходим объект; это может быть мастурбация, самоудовлетворение или половые контакты с другими людьми гетеросексуального или гомосексуального рода. Разумеется, такая энергия связана с внешними возбудителями, к которым можно причислить привлекательное лицо, определенные части тела, изображения или фантазии.

2. Любовь – это в большей или меньшей степени попытка наверстать другую любовь, упущенную в детстве; это мнение полностью согласуется с психоаналитической теорией травмы. Травма в данном случае носит душевный характер и возникает как результат оскорбительного действия, от которого индивид не мог защититься либо по причине чрезмерности травматического обстоятельства либо из-за собственной слабости на момент происшествия. В качестве травматических обстоятельств могут выступать такие действия, наносящие непосредственный ущерб, как сексуальные домогательства взрослых или жестокое обращение с ребенком. Значительное место среди травматических обстоятельств занимают действия, ущерб от которых носит опосредованный характер: недостаток заботы, отсутствие уважения, дефицит общения, небрежность, равнодушие, отсутствие заинтересованности. В первом случае возникает травматический опыт, сопровождаемый стимуляцией аффектов, обуславливающей в дальнейшем проблемы, связанные с невозможностью распутать клубок травм, а также сопутствующие этому гнев, ненависть, враждебность. Во втором случае речь идет об опыте недостаточной любви, недостаточной заботы, сопровождаемом угнетением аффектов и обуславливающем чувство дефицита, ощущения неполноценности собственной личности, внутренней опустошенности и тоски.

Разумеется, черты отношений матери и ребенка существенно обуславливают типологическую принадлежность любви взрослого человека. Если будучи детьми, мы много получали, то, повзрослев, мы сможем столько же дать. Если детство было проникнуто фрустрацией, то в дальнейшем такой человек будет фruстрировать своего партнера. Индивид, который был способен на эмоциональную отдачу, на ребяческую, но действенную любовь в детском возрасте, повзрослев, сможет любить активно даже в том случае, если предмет его любви не отвечает ему взаимностью. Хороший опыт в более или менее удовлетворительных отношениях между матерью и ребенком гарантирует будущую способность давать и принимать. Неудовлетворительные отношения матери и ребенка, чрезмерная травматизация или дефицит любви, напротив, ведут к тому, что индивид, хочет он того или нет, привносит элементы своей травмы или неудовлетворенности в существующие любовные отношения. Прежние разочарования, обиды и страдания начинают сказываться на нынешней любви. В случае невроза на первый план выступают фантазии, призванные возместить индивиду утаенную от него в детстве любовь; детскую травму пытаются компенсировать за счет партнера мечтами, симптомами и повторением. При первверсиях такую роль выполняет, к примеру, фетиш, компенсирующий недостаток любви. Садомазохистские действия представляют собой «эротическую форму ненависти» (J. Stoller), при которой «любовь состоит на службе у агрессии» (Otto F. Kernberg), и являются инсценировкой непреодоленных детских впечатлений.¹ Алкоголизм и наркотики выступают в качестве средств, сулящих заполнение внутренних пустот; преступление дает возможность попросту украсть или в крайнем случае насильственно заполучить то, в чем человеку было отказано и в чем он очень нуждался.

3. Любовь является бессознательным повторением непреодоленных конфликтов, идущих из прошлого. К числу последних следует отнести как вышеупомянутые доэдиповы конфликты, связанные с отношениями матери и ребенка, так и типичные эдиповы конфликты, сопутствующие отношениям ребенка, матери и отца. Ребенок ощущает себя «третьим лишним» (Freud, 1910), исключенным из жизни влюбленной пары, переживает нарцистическую обиду, завидует имущим, ревнует к тому, кто отнимает у него одного из родителей. Человек, недостаточно преодолевший такой печальный опыт, бессознательно повторяет его во взрослых отношениях. При этом в течение жизни он постоянно меняет роли: если в детстве его обманывали, то в дальнейшем он может превратиться в обманщика. Человек, ощущавший в детстве свою слабость, может захотеть стать сильнейшим. Так жертва оборачивается палачом, и тогда месть бывает сладостна. Некоторые события могут влиять на смену ориентации: например, мужчина, которого покинула возлюбленная, предпочтя ему другого человека, может поначалу ревновать ее к сопернику и злиться на последнего, но затем заинтересоваться тем, чем занимается он с этой женщиной, а не тем, что ощущает она. Данный гомосексуальный компонент выявляет гомосексуальные черты любви в целом. То же самое относится к женщинам. Людям приходится на протяжении всей жизни сталкиваться с непреодоленными конфликтами, обсуждать их в разговорах с друзьями, размышлять о них в одиночестве. Так или иначе, речь идет о непреодоленных детских конфликтах, которые снова и снова толкают нас на любовь.

4. Любовь – это всегда удовлетворение неизбежного желания самоутвердиться. Следовательно, любовь, главным образом, посвящена самому любящему, а не

предмету любви. Человек любит не другого человека, а себя, подобно Нарциссу, воспылавшему страстью к своему отражению. Получается, что любовь аналогична самовлюбленности, а вера в то, что мы любим другого, не что иное, как иллюзия. В любви мы желаем лишь самоутвердиться, поднять собственную цену в своих глазах. Другой человек — лишь средство для достижения этой цели. В своей книге «Анализ самости» (H. Kohut, «The Analysis of the Self», 1971), выпущенной на немецком языке под названием «Нарцисизм» в 1973 году, Гейнц Когут продемонстрировал, как индивид идеализирует свою личность благодаря «зеркальному переносу» на другого, сливаясь с ним или пытаясь найти и обнаруживая в нем свое «alter ego». Ребенок желает увидеть «блеск в глазах матери», указывающий на то, что он ей не безразличен; повзрослев, человек ищет волшебство и шарм в своем возлюбленном, который дает ему понять, что любит только его и никого другого.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Влюбленность отличается от любви, но, как правило, последняя начинается с того, что человек влюбляется.

В период влюбленности предмет ее кажется недостижимым и прекрасным. Нас чарует его облик, привлекает его обаяние, нами овладевает тоска. Мы хотим всегда быть с ним, делить с ним все. Наше воображение переполнено его образами до такой степени, что мы перестаем замечать себя. Сонеты Шекспира, лирика Петрарки и Данте, баллады миннезингеров и бесчисленные стихотворения щеголяют друг перед другом похвалами, воздаваемыми чувству бессмертной влюбленности. Тем не менее рано или поздно эта «великая» любовь завер-

шается разочарованием, которое закономерно уже только потому, что мы чрезмерно идеализируем возлюбленного. Испытывая счастье «цветущей влюбленности», человек рисует в своем воображении красочный и прекрасный образ, увеличивая пропасть между мечтой и реальностью, хотя сам он этого долго не замечает. И только проанализировав реальное поведение возлюбленного, которое не соответствует нашему идеальному о нем представлению, мы медленно начинаем спускаться с небес на землю, испытывая болезненную опустошенность, обиду, разочарование и печаль. Таким романтическим мечтам, иллюзиям и псевдолюбви целиком посвящена книга Стена Й. Катца и Эммы Э. Лин «На седьмом небе разреженный воздух».

Идеализация возлюбленного тесно связана с детской идеализацией родителей, когда отец и мать представляются ребенку недостижимыми, совершенными, восхитительными существами. Процесс, обратный идеализации, *разочарование*, достигает особенно значительных масштабов, когда любимая мать не отвечает ребенку взаимностью. Всякому из нас знакомо чувство отвергнутой любви и связанная с этим боль разлуки, печаль, одиночество. Однако если нам удастся сохранить об этой любви только добрые воспоминания, то данный опыт обогатит нас. Если же оно пробуждает в нас дремавшие до того чувства, то выигрыш от данного происшествия несравненно больше, чем ощущение конкретной утраты.

Однако даже если отношения продолжаются, разочарование неизбежно. Влюбленность превращается в любовь, которая ни в коем случае не лишена страсти. Для этого превращения существуют две базовые *предпосылки*: во-первых, не следует бояться ответственности, во-вторых, потеря определенной свободы и своеволия не должна превышать выгоды от партнерства.

ЧТО НЕОБХОДИМО ПРЕОДОЛЕТЬ, ЧТОБЫ НЕ СТРАШИТЬСЯ ЛЮБВИ?

1. Ответ таков: необходимо хотя бы в какой-то мере преодолеть младенческую травматизацию, чтобы она не могла бессознательно преследовать индивида со всеми вытекающими из такого преследования последствиями для нынешних отношений. В первую очередь речь идет о непреодоленных конфликтах доэдиповой фазы, берущих начало в отношениях матери и ребенка. Сепарация, или отделение, от матери может оказаться непреодоленной утратой, которая будет препятствовать индивидуации в контексте автономного существования и самостоятельности. Вместо этого может сохраняться зависимость от других людей, при отсутствии которых индивид чувствует себя несчастным и требует, чтобы эти люди находились всегда подле него. Это находит свое наиболее яркое выражение в популярных песнях. Во вторую очередь речь идет о типичных эдиповых конфликтах, стереотипные реакции которых индивид фиксирует и бессознательно воспроизводит в процессе навязчивого повторения (Freud, 1920), перенося на плоскость треугольника отношений, даже при условии, что сам индивид страдает от этого и на сознательном уровне желал бы освободиться от подобных стереотипов.

2. Сексуальность и физиологические аспекты в целом должны быть интегрированы в любовь. Разумеется, существует сексуальность без любви, точно так же, как любовь без сексуальности. Однако я веду речь преимущественно о любви, которая первоначально возникает как результат растущего доверия и вторично включает в себя сексуальность в качестве «премиального наслаждения» (Freud, 1925), которое приносит равное удовольствие

обоим индивидам, отвечая их пожеланиям. Для этого следует в рамках последовательного анализа не только повторить дурной опыт, приобретенный в ранних отношениях с матерью, в форме скрытого стереотипа отношений, но осознать и переработать его; тогда он будет не в силах разрушить любовь. Непережитые чувства, связанные с отсутствием положительного опыта, можно восполнить задним числом, например, в рамках так называемого моратория (Erikson, 1970) юности, когда человек с азартом пробует, экспериментирует и учится всему тому, что ускользнуло от него в детстве по вине семьи, однако при этом избегает серьезной ответственности, ложащейся в таком случае на плечи взрослого человека.

Предпосылками страстной любви являются:

1. Отчасти сложившиеся отношения матери и ребенка вкупе с последующим положительным опытом «первой» любви к матери.
2. В достаточной мере преодоленные эдиповы конфликты вкупе с последующим положительным опытом «второй» любви к отцу в рамках треугольника отношений: ребенок, мать и отец.
3. Удачная интеграция сексуальности и физиологических аспектов в сферу чувств.
4. Более или менее сбалансированное супер-эго, которое не подавляет индивида завышенным идеалом и строгими нормами, не преследует и не наказывает, а, доступно для критики, допускает замену предрассудков на собственное мнение, осознание и исключение проекций.
5. Относительно четкая мужская или женская половая идентичность.

Искусность в любви в позитивном смысле зависит от способности любить талантливо, которая возникает из

опыта, подобно «искусству любви». К этому относятся не только так называемая базовая способность на контакт, умение добиваться определенных отношений, но и готовность построить нежные отношения так, чтобы оба участника длительное время оставались друг для друга равно интересными, что связано со способностью к межличностным отношениям; не следует забывать и о «способности к агрессии» (Alexander Mitscherlich, 1956, 1958), которая в настоящее время определяется как агрессивность, сопутствующая активному соблазнению, агрессивность, «стоящая на службе у любви», а не перверсии.

Кроме того, следует упомянуть сексуальность и относящиеся к ней аффективные элементы, которые являются составной частью здорового отношения к своему и чужому телу, в результате чего подобный контакт не оскорбляет, а приносит радость, доставляет удовольствие и обогащает двух любящих. Таким образом, любовь — это «страстный диалог», который ведется всеми доступными любящим средствами. Это включает в себя и постоянное желание совершенствовать отношения, рискуя остаться непонятым или разочароваться. Кто не рискует, тот не выигрывает. 

ПОМЕХИ В ЛЮБВИ

Возникает вопрос: какие чувства способны чинить помехи любви? Прежде всего следует назвать болезненные чувства дефицита, собственного несовершенства, неполноценности, беспомощности и бессилия. Перечисленные чувства вызывают сильный стыд, следовательно, могут *травмировать чувство собственного достоинства*, и поэтому с легкостью вытесняются. *Данные чувства берут начало в самой первой любви индивида, т. е. в той любви, которую вызвал*

у него самый первый участник отношений. Для мужчины и для женщины таким человеком является мать. Мы пассивно желаем, чтобы мать нас любила. Первая любовь начинается прекрасно, но кончается несчастливо. Даже при условии, что мать действительно любит своего ребенка, она просто не в состоянии любить его столь сильно, сколь желает того ее ненасытное дитя.

В этом таится первопричина тесной взаимосвязи между любовью и смертью, неразрешимой дилеммы между счастьем утоленной страсти и его трагическим исходом. *Несчастный конец в какой-то степени запrogramмирован глубоким впечатлением от первого неудачного опыта.*

Проводя аналогию с компьютером, можно сказать, что если данная программа будет снова запущена под воздействием первой юношеской любви или любви, возникшей во взрослом возрасте, которая, как правило, оказывается любовью второй, то поведение индивида будет в значительной мере определяться прежним стереотипом, хранящимся в бессознательном.

Однако первая *активная* любовь в жизни индивида немногим отличается от любви *пассивной*; кончается она тоже разочарованием. В детском возрасте человек зачастую любит заботящихся о нем людей *активно*, сближается с ними, обращается к ним, наивно желает доставить им удовольствие, чем-нибудь порадовать. Когда речь идет о *маленьком мальчике*, то большую долю в его нежности занимают совершенно мужские чувства, а точнее, вполне сексуальное желание обольстить мать, приобрести в ее лице подругу и соратницу, осчастливить ее. Эта первая любовь окрашивается разнообразными фантазиями и переполняет мальчика, однако заканчивается она непременно несчастью. Обожаемая мать не может

ответить взаимностью на чувства сына, и тем самым отталкивает его от себя.

Маленькая девочка тоже не ограничивается пассивным желанием быть любимой, она, подобно мальчику, хочет обольстить свою мать, призывая последнюю любить ее так же сильно, как любит она сама. Кристиана Оливир полагает, что мать не в состоянии «вождеть» свою дочь, поскольку она сама когда-то была маленькой девочкой, тогда как мальчика, будучи женщиной, она «вожделеть» могла бы. Тем не менее, по личному аналитическому опыту мне известно, мать гораздо теснее сближается с дочерью, чем с сыном, поскольку ребенок одного с ней пола вызывает у матери большее доверие.

«Эдипову» стадию развития, продолжающуюся от трехлетнего до пятилетнего возраста девочке переносить гораздо легче. На этой стадии ее новая любовь к отцу — гетеросексуальная в отличие от прежней любви, носившей гомосексуальный характер. Для нее пришло время познать, что значит любить мужчину и быть им любимой, а это включает в себя в первую очередь трепетность, уважение, тактичность. Девочка ожидает по большей части приятных и многообразных нежных отношений, охотно идентифицирует себя с отцом, хочет походить на него, обогащая тем самым свою формирующуюся личность, что дает ей определенные преимущества в грядущей любви к мужчине.

Развитие мальчика происходит иначе. Если мальчик любит отца подобно тому, как прежде он любил мать, и желает, чтобы отец тоже отвечал ему взаимностью, то он испытывает чувства гомосексуальные. Однополая сущность данной любви, обусловленная биологическими факторами, непременно осложняет ее течение, поскольку бытует распространенное предубеждение

против такого рода чувств. В связи с этим отец и сын всеми возможными способами избегают проявлений нежности, что сопровождается болезненным чувством неразделенной любви. Поэтому многие мальчики предпочитают фиксировать свое развитие на стадии первой любви к матери и впоследствии, уже повзрослев, бессознательно стремятся обрести в любимой женщине заботливую мать.

Неудача в первой и второй любви при всех половых различиях в том и другом случае связана с равноценной первичной травмой, в свете которой мать начинает казаться существом всемогущим, а сам ребенок — чем-то вроде придатка к этому существу. Очевидно, детское разочарование способно в дальнейшем ощутимо навредить любви. Однако если данный механизм будет нами осознан, то мы сможем избежать многих страданий. Именно в этом контексте следует интерпретировать противоречия, возникающие между любовью и здравым смыслом, о которых толкуют с античных времен по сию пору; драматизм, неизбежно сопровождающий любовь, является ее непременным функциональным элементом, порожденным разочарованием, пережитым в детстве.

Степень такого разочарования не одинакова в каждом конкретном случае. Однако драматический исход детской любви каждого индивида закономерен и неизбежен для всех. Если человеку посчастливится утешиться в своем разочаровании, он сможет избежать «неопределенности и ранних страданий». Этому способствует понимание того, что, помимо родителей, существуют и другие объекты для обольщения, другие люди, которые тоже нас любят. Если в период страданий мы ощутим их участие, то рана постепенно затянется. В противном случае возникнут перверсии. Например, женщины бывают склонны «слишком сильно любить» (Norwood),

а мужчины желают одного: чтобы «их любили» (Wieck). Кроме того, наблюдаются перверсивное поведение как «позитивное» проявление невроза: алкоголизм, наркомания, служащие заменителем потеряной любви, а также делинквентное поведение, позволяющее силой добывать столь необходимую любовь; в случае изнасилования это проявляется со всей определенностью, а в случае кражи материальных ценностей или денег — в сублимированной форме.

Менее патологичной и, следовательно, более нормальной представляется в этой связи нарцисстическая компенсация — занятия искусством, литературой и музыкой, хотя это и чревато утратой непосредственного общения с людьми. Отдав предпочтение картине, книге или музыке, мы избегаем контакта с окружающими и уже ничем не рискуем: нас не бросят, нас не разочаруют, мы держим ситуацию под контролем.

Венера — древнеримская богиня весны, садов и любви и ее древнегреческий двойник, *Афродита*, дочь Зевса, а также *Диана* — богиня чувственной любви и красоты, и *Эрос*, сын Ареса и Афродиты, крылатый мальчик, который ранит людей стрелами в сердце, пробуждающими любовь между мужчиной и женщиной, — все эти образы символизируют разнообразные аспекты половой любви, отражая значение красоты, сексуального наслаждения и страсти.

В случае, если взаимная чувственность, страсть и любовь сливаются в единое переживание, следует вести речь о синтезе чувств, персонифицированных Венерой, Афродитой и Эросом, о синтезе, который невозможно описать, а можно лишь ощущать. Упоение и возбуждение, характерные для такого состояния, обусловлены привлекательностью возлюбленного. Подобным же образом стимулируют чувственность фантазии. Потребность в реализации любви влечет нас к возлюбленному и заставляет желать взаимности. «Только она к нему потянулась, как он потупил взор и ничего уже более не видел», — так описывает Гете удачное соблазнение «холодного как лед» рыбака русалкой.

Любовь оказывается сладострастной, если приводит к возбуждению половых органов и вызывает стремление достигнуть удовлетворения в слиянии гениталий, обусловленном анатомическим строением последних. Поэтому в книге Эриха Фромма «Искусство любви» речь идет прежде всего о любви половой. Ранний опыт в этой области следует воспринимать положительно, поскольку он позволяет познать сущность половой любви. Современные средства контрацепции позволили молодым людям достаточно свободно проявлять свою чувственность, не испытывая столь губительного для половой любви страха перед беременностью. Необходимо уточнить: речь идет не об обучении сексуальной технике, а о возможности поупражняться в *чувствах*, ощутить, что такое самоотдача, сосуществование, взаимное наслаждение, забота и ответственность.

Разумеется, половая любовь включает в себя и слияние гениталий. Здоровая женщина испытывает в данном случае естественное чувственное наслаждение. Так называемая эмансипированная женщина, для которой проникновение пениса во влагалище является своего рода «экспансией» и невыносимым унижением, вряд ли по-настоящему свободна в своей женской сексуальности. Очевидно, подобные женщины не могут смириться с какой бы то ни было зависимостью от мужчин и защищаются, *принижая значение* последних. Точно так же поступают некоторые мужчины. Однако и мужчины, и женщины нуждаются друг в друге, хотя эта взаимная зависимость весьма уязвима.

Женщины не всегда безосновательно боятся мужчин, ведь определенные мужчины способны использовать женщин, применять грубое насилие, лишь бы добиться удовлетворения. Подобное поведение свидетельствует о том, что способность индивида на чув-

ственное наслаждение и оргазм не обуславливает способность любить, испытывать человеческие чувства. Иными словами, половая потенция и оргазм — это еще не гарантия способности любить. Чувственное удовольствие нуждается в страстных взаимоотношениях, наполненных мощным и длительным чувством, включающим в себя телесные ощущения. Речь идет о здоровом, психосоматическом феномене, в рамках которого объединяются телесные и душевые переживания, ориентированные равным образом на себя и партнера. Способность на комплексное переживание такого масштаба требует длительного развития и также весьма уязвима. Не случайно многие люди в последнее время страдают сексуальными расстройствами. Нарушения потенции и неспособность достигать оргазма являются в данном случае лишь наиболее явными проявлениями многообразных расстройств, требующих психотерапевтического вмешательства, будь то лечение или профилактика.

Страх мужчин перед женщинами тоже имеет свои основания. Нередко в отношениях с женщиной мужчины оказываются жертвой ее ненависти и мести, первоначально относившихся к отцу. В процессе психоанализа всегда можно уточнить, обоснован ли страх мужчины или является продуктом его фантазии.

Гораздо чаще, чем непосредственные нарушения потенции и отсутствие оргазма у мужчины и женщины, выявляется неспособность поддерживать страстные сексуальные отношения, иными словами, «эмоциональная импотенция». Косвенные намеки на это обнаруживаются даже в языке; существуют такие выражения, как «спать вместе», «разделять ложе» и т. д., указывающие на машинальность полового акта, которому отводится роль примитивного рефлекса. Возбуждение половых

органов происходит словно в пустоте, поскольку оно не связано с душевным переживанием. Половой акт совершается партнерами бесстрастно.

Порой возникает впечатление, что *мужчины* чрезвычайно склонны к чувственной любви, поскольку легко возбудимы. Однако совмещение чувственного возбуждения и *душевного* переживания представляет для мужчин определенные сложности.

Возникает также впечатление, что *женщины* чаще, чем мужчины, бывают способны на сильные чувства, и эта способность не дана им от природы, а является следствием воспитания, принципы которого согласуются с общественными устоями. Женщина может любить страстно, но это не означает, что параллельно с этим она испытывает половую любовь в генитальном смысле. Даже сейчас женщины реже мужчин приобретают предварительный опыт подобных переживаний путем самоудовлетворения. Следовательно, для женщин представляют определенные сложности процесс интеграции чувственных элементов сексуальности в наличное страстное переживание. Согласно Мастерсу и Джонсону, у женщин наиболее чувствительной в сексуальном отношении является внешняя часть гениталий, к которой относятся такие зоны возбуждения, как клитор, половые губы и вход во влагалище. Именно эти зоны женщина воспринимает негативно по вине неправильного воспитания в детстве и в связи с неприятными ощущениями, возникающими в менструальные периоды в подростковом возрасте; в результате чувственность такого рода остается невостребованной, исключенной из сферы переживаний, несмотря на то, что эрогенные зоны несомненно являются важным фактором половой любви. Эту частную чувственность следует интегрировать в чувственность общую. В данном случае подспорьем для жен-

шины может стать самостоятельное изучение строения собственных гениталий, что позволит ей в психологическом контексте противопоставить себя мужчине, основываясь на том, что в глубине ее тела скрыта обширная и сложная система половых органов.

Не затрагивая часто обсуждаемый вопрос о клиторальном и вагинальном оргазме, замечу только, что оргазм — это общее переживание и как таковое оно не может быть сведено к функциональным особенностям определенных органов. Кроме того, необходимо отметить некоторые важные различия между мужчинами и женщинами:

Мужчина относится к своим гениталиям естественно. Он изучил их благодаря онанизму и знает, как они функционируют. Гораздо чаще он не ведает, что данными генитальными функциями явление не исчерпывается. Вожделение, утоляемое в одиночку, — жалкое удовольствие, лишенное чувств, обольщения и страсти. Половой акт, совершаемый подобно занятиям мастурбацией, не приносит наслаждения ни мужчине, ни женщине. Многие мужчины страдают от расстройств, связанных с неспособностью чувствовать, любить, духовно сближаться с партнершей, выражать свою нежность словами, испытывать к женщине эмпатию и идентифицировать себя с ней.

Причиной таких расстройств бывает, как правило, недостаточное доверие к женщине. В контексте чувственной, половой любви это означает недоверие к женским гениталиям. Мужчина бессознательно воспринимает женские гениталии как гидру, стремящуюся его проглотить. Подобные страхи могут быть преодолены, если *партнерша* своим нежным отношением докажет мужчине, что ей можно доверять. Однако предпосылкой для этого является отказ от желания злоупотреблять

женщиной ради подтверждения своих сексуальных способностей. Зачастую мужчина проецирует на женщину собственные импульсы, полагая в дальнейшем, что они исходят от нее.

Женщина, как правило, очень рано учится привыкать во внимание прежде всего потребности окружающих и пренебрегать собственными желаниями. Отношения для нее превыше всего. Больше всего женщина боится оказаться брошенной любимым человеком и предоставленной самой себе. Нередко женщина недооценивает себя, поскольку не испытывает уверенности в собственной половой идентичности подобно своей матери, с которой не желает идентифицировать себя сознательно именно по этой причине, но, не имея другого выбора, вынуждена идентифицировать себя с ней бессознательно, поэтому вышеупомянутая перспектива может стоить женщине последнего сохранившегося самоуважения.

Неуверенность в себе обуславливает значительную зависимость женщины от окружающих. Женщина может преодолеть данную неуверенность только в том случае, если воспитает в себе человеческое и женское достоинство, достигнет уверенности в собственной половой идентичности. Это подразумевает позитивное отношение к собственному полу, к его физиологическим и сексуальным особенностям. Женщина может изучать и рассматривать свои гениталии, узнавая, насколько велика и сложна система ее внутренних половых органов, и осознавая, насколько данные органы неотделимы от ее тела. Многие мои пациентки, проходившие курс психоанализа, создавали для обозначения своих половых органов образные выражения, заменявшие соответствующие медицинские термины, например, цветок лотоса, ларец с сокровищами, пульсирующая жизнь.

Для того чтобы возникло позитивное отношение к сексуальности, требуется снисходительное и терпеливое поощрение, вернее, нежность. Важное значение в данном случае приобретает не только внутренний настрой, но и поведение. Аристотель говорил: «Без труда нет наслаждения», а известный психоаналитик Михаэль Балинт подчеркивал необходимость непрекращающегося *«процесса обольщения*, который требует неслыханного напряжения сил и в мягкой форме продолжается до тех пор, пока существуют подобные отношения».

Здесь отчетливо проявляются *активные* аспекты половой любви. Английское выражение *«to fall in love»*, «бросаться в любовь», напротив, акцентирует ее *пассивный* характер. Пассивная готовность предаваться половой любви, целиком полагаясь на обстоятельства, — черта весьма знаменательная; о ней стоит поговорить отдельно. Предпосылками к подобной решимости служат уверенность в себе и в своей любви к другому человеку, а также доверие к своему возлюбленному и уверенность в его любви. Броситься в любовь с головой человек может лишь тогда, когда выполнено и первое, и второе условие.

Однако данный поступок чреват регрессией, возвращением к системе переживаний, характерных для детства, что прежде всего проявляется в акте самоотдачи, в процессе которого открываются границы этого, иными словами, размывается самоощущение индивида и происходит «хаотичное» слияние. Это напоминает, быть может, состояние плода в материнской утробе и устраивает драматическое ощущение разъединенности. «Самоотдача» во время полового акта сравнима с потерей собственного «я», с предчувствием смерти. Не случайно французы называют это состояние *«la petite mort»*, «смерть в миниатюре».

Мы получаем только тогда, когда отдаем. «Поступок одного продиктован поступком другого», — говорил Гегель, известный философ-идеалист, занимавшийся систематизацией духа и проявивший незаурядную проницательность в вопросе особых взаимоотношений между влюбленными. В своей работе «Основные положения философии права», которая была впервые опубликована в 1821 году в Берлине, Гегель, в частности, писал: «*Первым* моментом любви следует считать мое нежелание оставаться независимой личностью и ощущение того, что если я таковой останусь, то буду чувствовать себя обделенным и неполноценным. *Вторым* следует считать тот момент, когда я влюблуюсь в другую личность, находя в ней ровно столько же, сколько она получает от меня. Поэтому любовь — это чудовищное противоречие, не подвластное рассудку, в котором самая сложная проблема — отрицание чувства собственного достоинства, воспринимаемое как самоутверждение. Таким образом, любовь одновременно производит противоречие и устраниет его». В передаче Гегеля диалогическая природа данного типа отношений между двумя любящими выглядит неподражаемо. Если же дополнить подобные отношения страстью, можно вести речь о «чувственном диалоге».

Данное определение прекрасно передает сущность любви: прилагательное «чувственный» указывает на ее чувственность, страсть, приставка «dia» — на взаимодополняющую основу отношений между двумя людьми и слог «log» — на духовность.

Сказанное не означает, что страсть подвергается торможению или сублимации, преобразуясь в исключительно душевную деятельность, поскольку это было бы равносильно усечению *трехмерной любви*, иными словами, любви неразделенной. Духовность в данном слу-

чае следует понимать не как «антагонизм души», а как осознание. Именно таким путем индивид осознает собственную страсть, превращает ее в достояние эго и, черпая энергию из резервуара полового влечения, развивается в процессе диалога с партнером.

Речь идет не о том, чтобы ид заняло место эго, а о необходимости подпитывать эго из источника ид. Только *в этом случае* мы сможем любить по-настоящему. Трехмерная любовь — это одновременное сосуществование чувственного диалога, отношений, в рамках которых происходит бурный процесс осознания, и, наконец, самого осознания, происходящего из страсти и включенного в данные отношения.

**ЗЛОСТЬ,
ОЗЛОБЛЕННОСТЬ,
ГНЕВ И ЯРОСТЬ —
ДЕСТРУКТИВНЫЕ
СТРАСТИ**

ЗЛОСТЬ

«Все дело в неприязни», — говорим мы, если наши идеи не воплощаются. «Между нами неприязнь», — объясняем мы, когда кто-то нам противоречит или нас укоряет. Мы реагируем неприязненно, когда кто-нибудь уязвляет нас своей неприязнью, и мы можем «чуть не лопнуть от злости» или «разразиться негодованием». В таком случае возникает необходимость выместить свое негодование на другом человеке, иначе говоря, в активной форме попытаться разозлить его, между тем как первоначально неприязнь испытывали мы и в форме пассивной. Будучи неотреагированной вовне, злость может буквально душить человека. «Проглоченная» злость не исчезает, а продолжает развиваться в психике индивида. В результате возникают печаль, досада, раздражительность, антипатия, доходящая до отвращения, негодование и дурное настроение. Злость может настолько глубоко укорениться в бессознательном, что провоцирует порой такие психосоматические расстройства, возникающие вследствие двойного вытеснения, как язва желудка, дискинезия желчных путей и заболевания выделительной системы. На взаимосвязь между злостью и состоянием организма

указывают, в частности, многие общеупотребительные выражения, например: «его злость заела», «желчный человек», «у меня это в печенках сидит» и т. д. Люди бледнеют и зеленеют от негодования и способны даже разозлиться на кого-нибудь до смерти.

ОЗЛОБЛЕННОСТЬ

Озлобленность — это результат подавления злости, форма хронической неприязни, которую индивид питает к своему оппоненту. В данном случае правомерно вести речь о характере, доминирующей чертой которого является ненависть. Обладатели подобного характера имеют за плечами немало обид и разочарований, берущих начало в младенчестве. Например, многие воспитанники детских домов оказываются «озлобленными детьми», личности которых поражены ненавистью. Готовность таких детей к насилию является следствием жестокого обращения, которому они подвергались. Отверженные, беспомощные, брошенные на произвол судьбы, эти изгои не могут развивать самосознание. Состояние подобных детей и подростков указывает на тесную взаимосвязь между озлобленностью и самосознанием. Молодые люди, склонные к насилию, по сути своей люди уязвленные, обиженные и не уверенные в себе. Расгущая озлобленность призвана закрыть своей массой невыносимые обиды и разочарования. Жажда любви у этих людей никогда не утихает. Поэтому не стоит удивляться тому, что они пестуют свою озлобленность; они относятся к окружающим с таким же равнодушием, черствостью и бессердечием, с каким относились когда-то к ним.

Элементарные потребности в заботе и уверенности, которые испытывают подобные индивиды, остаются

неудовлетворенными. Вместо этого они сталкиваются с открытым неприятием, жестокостью, неуважением и лицемерием воспитателей и родителей, которые впоследствии, замечая, что дети пренебрегают общепринятыми нормами, ни во что не ставят родительские ценности, не могут понять, что пожинают лишь то, что посеяли сами.

ГНЕВ, ВРАЖДЕБНОСТЬ И НАСИЛИЕ

Злоба и неприязнь могут перерости в гнев, при котором «кровь закипает в жилах», и взбешенный, разъяренный человек выходит из себя, рвет и мечет и готов обрушиться на любую преграду, вставшую на его пути. Согласно классификации, приведенной во второй главе этой книги, гнев следует отнести к разряду аффектов, охарактеризовав его тем самым как кратковременную непосредственную реакцию на внешний раздражитель, в данном случае оскорбление; Когут говорит в этой связи о «нарцистическом» гневе (Kohut, 1975).

Враждебность — это совокупность ощущимых, но незримых аффективных и конгнитивных реакций, формирующих предубеждение против определенной личности.

Насилие, напротив, представляет собой вполне очевидное враждебное поведение индивида, не гнушающегося применять физические или психологические средства для того, чтобы травмировать противника, прямо или косвенно ему вредить.

Если гнев обращается против определенных групп населения, например, против таких меньшинств, как иностранцы или эмигранты, то следует вести речь о ксенофобии, в которой нет и следа страсти, а есть только

неприкрыта ненависть и жажда разрушения, заслуживающие самого решительного осуждения. Суровые штрафы и жесткие меры пресечения в данной ситуации — средства вполне действенные, поскольку «кто не хочет (или не может) понять свою неправоту, должен ее хотя бы ощутить».

ЯРОСТЬ

Гнев вызывает вспышки ярости, может внезапно проявляться в виде вспыльчивости и тотчас угасать. Ярость освобождает людей от накопившихся отрицательных эмоций.

Кроме того, ярость может быть «праведной» и «благородной»; такая ярость заставляет людей бороться за достижение своей цели. Удовлетворение в данном случае достигается за счет определенных слов и поступков. Вместе с тем правомерно говорить и о «страстной» ярости, которая характерна для людей, страстно увлеченных каким-то предприятием, не желающих никому ни в чем уступать, яростно защищающих свое детище; такая ярость *конструктивна*. *Деструктивной* оказывается ярость, которая находит свое выражение в насилии, жестоких поступках, пытках и убийствах.

Однако не следует полагать, что ярость — черта, характерная прежде всего для криминального мира. Примеры нетерпимости легко обнаруживаются в повседневной жизни, в процессе общения с окружающими, которые способны нещадно ругать человека за его спиной. Нередко отношения людей бывают наполнены сарказмом, призванным унизить ближнего. Честный человек осознает свою нетерпимость, однако не желает это открыто признавать. Зачастую так обстоит дело и со

злорадством, посещающим нас всякий раз, когда от нашего соперника отворачивается удача. Кто из нас втайне не торжествовал, когда несчастья обрушивались на конкурента.

СТРАСТНАЯ НЕНАВИСТЬ, ЖЕСТОКАЯ МЕСТЬ – РАЗРУШЕННАЯ ЖИЗНЬ

Неприязнь к определенному человеку, как правило, к сопернику, является длительным, мощным чувством, которое перерастает в ненависть всякий раз, когда приходится сталкиваться с этим человеком. Поэтому ненависть можно причислить к страстям.

Поясню подробнее. Существуют люди, которые сеют повсюду раздоры, никого не переносят и лелеют в своем сердце ненависть. Кажется, что вся их личность пропитана ненавистью. Складывается впечатление, что они готовы затеять непримиримый спор без всякого повода. Они не только упорствуют в своей ненависти, но и пестуют ее, не принимая во внимание никакие разумные доводы. Ослепшие от ярости, они упрямо преследуют противника, унизив которого, тотчас обращают свой гнев на кого-нибудь другого; именно в данном контексте следует понимать неверность. Скрытая ненависть часто является причиной клеветы, интриг и предательства. Нарушение обещаний и ненадежность вообще могут считаться скрытым выражением латентной ненависти.

Людям свойственно ненавидеть. Важно, что мы ненавидим. Поэтому ответ на вопрос, нужна ли нам ненависть, поставленный Маргарет Мичерлих (1972) в заглавии ее книги, может быть только утвердительным. Да, ненависть нам нужна; об этом свидетельствует история человечества.

Тимон Афинский, герой одноименной пьесы Уильяма Шекспира, является типичным примером человека, обуреваемого ненавистью. Говоря точнее, он персонифицирует ненависть. Он ненавидит все и вся: он приглашает гостей к столу, сервированному лишь мисками с водой, и вскоре с гневомгонит их прочь. Он уединяется в келье, предпочитая жизнь отшельника обществу людей. Неумолимый в своей ненависти, он не обращает внимания на то, что его ближние пытаются исправить допущенные ими ошибки. На примере Тимона мы можем наблюдать, как зарождается ненависть. Тимон раздал все свое имущество бедным, а когда сам обратился к ним за помощью, никто не откликнулся на его мольбу. Следовательно, его ненависть к людям явилась реакцией на оскорбление и в значительной степени была мотивирована желанием отмстить за допущенную людьми несправедливость.

Данное обстоятельство позволяет выявить основные *причины страстной ненависти*: неизбытные обиды, оскорблении, душевые травмы и унижения. Подобные чувства возникают, когда человека глубоко разочаровывает возлюбленный, когда родители жестоко обращаются с сыном, когда дочь подвергается растлению. Чем меньше у индивида независимости, тем тяжелее ему переносить разочарования такого рода. Ребенка можно травмировать до глубины души. Люди реагируют на подобную травматизацию бессильным и неопределенным гневом или нацеленной, неумолимой и беспощадной ненавистью. Только такая реакция позволяет избежать страха и выбраться из океана беспомощности и безысходности. Однако спасительный берег, на котором находит себе прибежище человек, оказывается обителью ненависти, ярости, злости, гнева и враждебности. Следовательно, эти пылкие чувства являются

сигналами, указывающими на реальную или воображаемую опасность.

В возникновении враждебности и нетерпимости немаловажную роль играют также социальные факторы, среди которых — молодежная безработица, лишающая молодых людей надежд на осмысленное будущее, на то, чтобы занять более или менее достойное место в обществе. Неудивительно, что безработный молодой человек завидует тому, кто нашел хорошую работу. У него появляется возможность отреагировать свое раздражение, и мишенью для конкретного выражения ненависти оказываются «они». В результате возникает латентная готовность к насилию.

В том случае, если эти тлеющие чувства, поощряемые предрассудками, обратятся против определенной группы людей, то общее раздражение может превратиться, например, в конкретную ксенофобию, манифестно проявляющуюся в виде насилия под воздействием алкоголя. Поводом для таких действий является предрассудок против чужаков, которые виноваты только потому, что они другие.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Дети ненавидят родителей, а те в свою очередь — детей. Причиной этому являются взаимные разочарования, несбывшиеся надежды. Дети развиваются не так, как хотелось бы их родителям. Однако сыновья и дочери имеют право требовать от своих отцов и матерей, чтобы они были хорошим примером для своих детей.

Дети довольствуются существующим образцом для подражания, с которым они могут себя идентифицировать. Произошло то, о чем предупреждала Маргарет Мичерлих в своей книге «Примеры для подражания

исчерпаны» (1978). Родители, не уверенные в собственной идентичности по вине своей пассивности во времена национал-социализма или коммунизма, не могут быть примером для своих детей. Они просто не годятся для этого. «Все что угодно, лишь бы не так, как мать!» или «Если отец поступает так, то мы поступим наоборот!» — полагают молодые люди. В данном случае сила ненависти прямо пропорциональна размерам разочарования, которые в свою очередь зависят от уровня предшествовавшей разочарованию идеализации. Ненависть молодежи велика, поскольку матери и отцы, учителя и воспитатели не оправдали даже самых мизерных надежд, которые вполне справедливо возлагали на них молодые люди.

В результате складывается драматическая ситуация; молодые люди не имеют примеров для подражания, объектов идентификации, необходимых для развития личности. По вине этого вынужденного дефицита страдает их идентичность.

Человеку нелегко ощущать связанное с этим состояние внутренней опустошенности. У него возникает соблазн оглушить себя наркотиками, потопить горе в вине или компенсировать унижение, демонстрируя окружающим свою отвагу и дерзость, как это делают любители пачкать стены краской из пульверизатора или те молодые люди, которые катаются в метро, прицепившись к вагону снаружи.

НЕНАВИСТЬ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ

Ненависть дочери к матери и сына к отцу с легкостью переносится на партнеров соответствующего пола, и возникает *половая ненависть*.

Древние легенды повествуют о ненависти, которую испытывали и продолжают испытывать до сих пор женщины к мужчинам. Клейст положил это в основу своей драмы «Пентесилея». Однажды на скифов напали эфиопы, умертвили мужчин и обесчестили женщин. С тех пор скифские женщины возненавидели мужчин. Эти амазонки проникали на земли эфиопов, ловили мужчин и отпускали их только после того, как они вступали с ними в связь. Пентесилея хотела повергнуть Ахилла, но ей была невыносима мысль о том, что он ее любил, ведь победа должна была остаться за ней. Заметив, что влюбленный Ахилл ей поддается, она с яростью выпустила стрелу ему в шею и скормила ненавистного мужчину п сам.

Пентесилея была неспособна любить, а значит, неспособна ощущать свою зависимость от другого человека. Она отвергала отношения с мужчиной, предпочитая одиночество, столь велики были ее ненависть и нежелание зависеть от мужчины. Современные феминистки тоже считают, что взаимная зависимость мужчины и женщины является на деле односторонним унизительным подчинением мужчине. Откуда возникла подобная половая ненависть? Быть может, ее причины кроются в неуверенности и комплексе неполноценности, в чувствах, которые не должны осознаваться, ибо их осознание повлекло бы за собой тяжелую травматизацию? В данном случае соотношение выглядит по-прежнему: чем неувереннее человек, тем значительнее его ненависть. Поступок Пентесилеи — это лишь крайнее выражение принципиальной позиции, придерживаясь которой женщины находят всевозможные отговорки для того, чтобы избежать зависимости от мужчин, от этих грубых мужланов, «мачо», пополнив тем самым ряды феминистского движения.

Разумеется, некоторые мужчины насилиют, унижают и эксплуатируют женщин. Однако это еще не повод для того, чтобы ненавидеть всех мужчин. Кроме того, существует немало женщин, унижающих мужчин. Но это обстоятельство не может служить оправданием женоненавистничества. Психоанализ в силах способствовать формированию новых, лишенных ненависти отношений между мужчинами и женщинами. Главное — осознавать, что мужчины и женщины в равной степени зависят друг от друга; и тем и другим данная зависимость дается нелегко.

МЕСТЬ

Месть — это особая форма враждебности, для которой характерна задержка в проявлении непосредственной агрессии. Цель мести — отплатить за причиненные страдания. Поэтому есть основания утверждать, что лейтмотивом ненависти, которую испытывают молодые люди к старшим и женщины к мужчинам, является месть. Чем серьезнее нанесенное оскорбление, тем сильнее желание за него отомстить. Подобные чувства вполне оправданы и понятны.

Пентесилея мстила мужчинам за нападение на ее страну, за убийство скифских мужчин и надругательство над женщинами. Ее чувства были пронизаны местью, она не устрашилась даже убийства.

Мифы позволяют нам заглянуть в пугающие бездны человеческих душ, преисполненных ненависти и готовых ради нее на все. Например, отвергнутая *Медея*, желая отомстить за неверность своему мужу Ясону, не нашла ничего лучшего, как убить собственных детей.

Электра больше всего на свете любила своего отца Агамемнона, (подобно Эдипу, возлюбившему свою

мать, Йокасту). «Хочу тебя видеть, не оставляй меня сегодня одну», — умоляла она отца. Полагая, что Агамемнона убил Аигистос, Электра решила отомстить ему, попутно оскорбляя свою мать, соперницу в любви к отцу. В глубине души Электра бессознательно ненавидела неверную мать за то, что она предпочла ей мужа, предоставив дочь самой себе. Ненависть Электры — образец первичной мести, берущей начало в разочаровании. Вторично ненависть дополняется половой завистью зрелой и чувственной женщины к матери, что только усиливает первоначальные негативные чувства. Услышав, наконец, из уст своего брата подтверждавший ее предчувствия рассказ о том, что Агамемнона убила ее мать Клитемnestра, она стала одержима местью. Видения кровавой расплаты преследовали ее. В этой жизни она желала только одного — отомстить за смерть любимого отца. До тех пор пока отец оставался не отмщен, она была не в силах успокоиться. Мечты и помыслы Электры — прекрасный пример того, до какой степени способны завладеть человеком страстная ненависть и мстительность. Индивид, испытывающий подобные чувства, не обращает внимания на свою безопасность, бескомпромиссно преследует свою цель, видя смысл своей жизни исключительно в отмщении.

Вместе с тем месть может оказаться защитой от чувств, которые вызывают тревогу и приносят столько страданий, что индивид «предпочитает» их вытеснять. Травматические аффекты такой силы возникают, как правило, в связи с потерей близкого человека. К ним относятся боль разлуки, тревога, сопровождающая расставание, и глубокая скорбь. Уповая на месть, индивид избегает необходимости обращать внимание на ранящие его чувства. Кримгильд в «Песне о Нibelунгах» мстит

Гагену за убийство Зигфрида и за похищение сокровищ Нibelунгов.

В 1991 году была опубликована книга Урсулы Рихтер «Женская месть». Основываясь на личном опыте, автор повествует о том, как мстит женщина, любовью которой пренебрегли.

Однако в социальном плане наиболее подходящей средой для изучения женской ненависти является феминизм, процветающий на почве ненависти и стремления отомстить мужчинам за вековое притеснение. «И станут жены гиенам подобны», — писал Шиллер в «Песне колоколов». Некоторые интеллектуалы левацкого толка удивляются, когда их столь податливые некогда жены, вступив на путь феминизма, превращаются в воинствующих амazonок, внушающих своим мужьям страх, нередко сопровождаемый бессознательным отказом от сексуальной активности в форме импотенции.

Пытаясь защититься от растущей агрессивности женщин, мужчины сплачиваются в мужские компании, критически пересматривают некоторые традиционные мужские ценности (Nitzschke, 1988) или пытаются найти объяснение сложившейся ситуации.

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАСИЛИЯ, КСЕНОФОБИИ И ШОВИНИЗМА

«Прочь гнев», — этим железным правилом необходимо руководствоваться в социальной работе и социальной педагогике. Вместо того чтобы ожидать, когда накопившиеся в психике чувства хлынут через край, следует вовремя и в разумных пределах отреагировать гнев, злость и ненависть.

Для этого существует несколько путей:

1. «Круглый стол», собравшись за которым, противники получают возможность вести дискуссию, спорить, сохраняя достоинство. На более низком уровне роль диспута может заменить ругань. Человек может «проклинать противника на чем свет стоит», «посылать его ко всем чертям», «разносить его в пух и прах». Народ проявляет удивительную изобретательность по части ругани.

2. Злость и гнев могут быть «отреагированы» в процессе занятий спортом, требующих физического напряжения и ограниченных правилами игры. Для этого подходят игровые командные виды спорта, подразумевающие разделение игровой площадки на «свою» и «чужую» половины. Привлекательность игровых видов спорта заключается в их латентном символическом значении; многое роднит их с борьбой за выживание. Например, футболисты в разгар игры самоотверженно борются за мяч, словно «за военный трофей» (Thomas Kutter).

3. Художники могут избрать путь *сублимации* и «перерабатывать» гнев, неистово орудуя кистью, с чувством обрабатывая камень или дерево, гравируя по меди.

4. Существуют определенные виды терапии, эффективные в решении проблем, связанных с негативными чувствами и аффектами, к числу которых следует отнести первичную терапию Артура Янова, образную терапию Фритца Перлза, биоэнергетику Александра Ловена, телесный психоанализ Тилманна Мозера и появившиеся на свет благодаря Карлу Роджерсу «encounter groups», «конфликтные группы». Харриет Гольдор Лернер в своей книге «Что мне делать со своим гневом?» дает аналогичные рекомендации. Сходство

заключается прежде всего в утверждении, что злость, гнев, ярость, враждебность и склонность к насилию должны достигать разрядки под контролем индивида. Девиз в данном случае: «Злитесь!», а не «Скрывайте злость!»

Однако лучшим выходом из подобной ситуации остается нормальное, прямое выяснение отношений, с высоко поднятой головой, в честном поединке, когда человек, преодолевая преграды, отстаивает свое право на собственное мнение.

**ЗАВИСТЬ
И РЕВНОСТЬ —
ДВА СПОСОБА
БЫТЬ НЕСЧАСТНЫМ**

ЗАВИСТЬ

Зависть, так же, как и ревность, можно отнести к страстям, поскольку она обуславливает ревностное стремление к тому, что причиняет страдания и тем самым приводит к несчастью. Зависть — следствие чувства собственной *неполноценности*. Нередко говорят о «зависти неимущих», полагая, что неимущие завидуют богатству имущих. Зависть направлена на то, чего индивид лишен. Однако причиной для зависти служит не только имущество, но и такие человеческие качества, как красота, здоровье, интеллигентность.

В отличие от ревности, непременно вовлекающей в свою орбиту трех участников, первый из которых — ревнующий, второй — тот, кого ревнуют, и третий — тот, к кому ревнуют, — зависть предполагает наличие двух индивидов, один из которых завидует другому, обладающему тем, что по разным причинам первому недоступно. Человек не может обладать всеми положительными качествами и материальными ценностями, поэтому всегда существует тот, кто имеет больше или располагает чем-то иным. В связи с этим жадность неискоренима и вездесуща.

Гельмут Шок, социолог из Майнца, аргументируя свои выводы подобным же образом, именует зависть «базовой антропологической категорией». По его мнению, зависть «более универсальна, чем принято полагать», и, для того чтобы определить ее наличие, зачастую требуется «демаскировка», призванная разоблачить искусно замаскированную зависть. Нередко зависть оказывается столь продолжительной и интенсивной, а ее влияние на индивида столь привораживающим, что невольно напрашивается сравнение зависти со страстью, разумеется, не имеющей ничего общего с любовью, но родственной деструктивным страстям, например, ненависти.

Вышесказанное иллюстрируют примеры из жизни. Бездетная женщина завидует женщине, у которой есть дети. Однако сама она бессознательно боится рожать ребенка. Осознает же она лишь собственную зависть. Мужчина не находит себе места от зависти, наблюдая за тем, как его коллеги успешно делают себе карьеру, в то время как его попытки упрочить свое положение в фирме постоянно терпят крах. Другому человеку не дает покоя зависть к братьям и сестрам, живущим в недостижимом для него достатке.

Данные примеры помогают выяснить, какие феномены играют важную роль в становлении зависти. Объект зависти располагает чем-то, что высоко ценится завистником. В первом случае — это дети, во втором — карьера, в третьем — материальные блага.

Сам завистник чувствует, что он не способен достигнуть именно этого: женщина боится рожать ребенка, мужчина плохо ладит со своим начальником, другой господин не в силах в должной мере себя обеспечить.

Для зависти характерна полярность в обладании ценностями, когда один полюс представляет неимущий

завистник, а другой — имущий индивид, вызывающий зависть. Плюса эти связаны друг с другом. Как правило, человек, которому завидуют, не подозревает о зависти, поскольку *внешне* она безмолвствует, тогда как *внутри* всегда на взвесе. Завистник может поддерживать длительные партнерские отношения с тем, кому он завидует. Он сравнивает себя со своим визави, убеждается в его материальном, физическом и интеллектуальном превосходстве. Загипнотизированный совершенством своего партнера, завистник внезапно ощущает болезненное чувство. «Ведь получается, что я хуже его», — говорит он себе.

Таким образом, зависть заявляет о себе при появлении подходящего объекта, выступающего в роли внешнего возбудителя, требующего разрядки. Однако чувство зависти гнездится в душе завистника, которого преследуют самоистязательные и саморазрушительные фантазии. Он угрюм, он страдает под бременем тяжких размышлений. Зависть отравляет его, подтачивает его изнутри, паразитируя на душе, словно червь. Такова *психическая ипостась зависти*.

Зависть — это алчность, съедающая человека изнутри. Если зависть характеризуется хроническим течением и у страдающего от нее человека появляется надежда изменить в обозримом будущем свое положение, то зависть превращается в *ressentiment**, в то, что Фридрих Ницше именовал «экзистентной завистью» (нем. «Lebensneid»). Человек, обуреваемый подобной страстью, ненавидит силу, удачу, счастье, здоровье, естественность, которых у него нет, поэтому удовлетворения своих потребностей в положительных эмоциях он достигает за счет равнодушия, цинизма, насмешек, позволяющих ему

---

* Самоограничение (фр.) — Прим. перевода

избегать травматизации, связанной с ощущением дефицита и неполноценности своего существования.

Однако приижая значение того, чем обладает посторонний, индивид приижает одновременно и себя самого. Я припоминаю в этой связи одного своего пациента, который был изможден от зависти. Дни и ночи напролет он мечтал о том, что достигнет однажды такого же положения, как те, кому он завидовал, и однажды ему пришлоось, что эти люди проникли к нему в дом, вели себя высокомерно и по-хулигански. Зависть разлагала и отравляла его физически. Он ощущал, как по его жилам разливается яд и представлял себе, что тело его разлагается, превращаясь в желтый бульон с острыми бритвами. «Экзистентная зависть» соответствует всем критериям страсти. Поэтому ее можно назвать страстью завистью, в отличие от зависти обычной.

Зависть может выродиться в *самобичевание*. Если самобичевание приносит наслаждение, то зависть дополняется мазохистскими компонентами и приближается к первверсии. Интенсивное самобичевание может вызывать физические симптомы. Человек «бледнеет от зависти», поскольку сжимаются кровеносные сосуды и повышается кровяное давление; человек «желтеет от зависти», поскольку кровь насыщается желчью.

Кроме того, зависть может принимать форму ярко выраженной и направленной вовне *ненависти*. Завистник втайне пытается навредить тому, кому он завидует. Зачастую завистник не ограничивается одним человеком; он изводит открытыми упреками и язвительными замечаниями тех, кто попадается ему под горячую руку. Нередко под горячую руку попадает супруг, дети, которые вынуждены выслушивать постоянные, скептические замечания и терпеть вспышки раздражения недовольных собой завистников, жертвующих

близкими. Они оскорбляют, используют и компрометируют своих партнеров, детей, друзей, клевещут на них. Плетя коварные интриги, завистники стремятся компенсировать свои страдания. В данном случае зависть принимает форму *причинения вреда окружающим*. Шекспировский Отелло пал жертвой завистника Яго, горячо ненавидящего, но действующего с холодным расчетом. Этот эгоист завидует положению и деньгам Отелло, а также его счастью с Дездемоной. Поэтому Яго стремится вселить в душу Отелло ревнивые сомнения, находя отдушину и садистское удовлетворение в зрелище падения своего соперника. В этом отчетливо проявляется сходство зависти и перверсии, в данном случае садизма. Зависть может провоцировать *криминальное* поведение. Бессмысленное разрушение чужой собственности оказывается зачастую результатом вспышки страстной зависти. Поэтому молодые люди хулиганят, бьют стекла у припаркованных автомобилей, ломают уличные телефонные аппараты. Люди говорят в таких случаях: «Они бесчинствовали, как вандалы».

Когда зависть оборачивается самобичеванием, ее действие направлено вовнутрь; если же зависть выражается в форме причинения вреда окружающим, то она свирепствует извне. В любом случае болезненное ощущение превосходства окружающих над собственной личностью является *неприметной* психологической причиной *бросающихся в глаза* симптомов самобичевания и причинения вреда окружающим. Завистник не способен любить и ценить самого себя. Столкнувшись с недоброжелательностью в детстве или в юности, он автоматически проникается неприязнью ко всему, что радует других людей. Завистник — человек несчастный, достойный сожаления, страдающий от сомнений, от навязчи-

вых мыслей, от отсутствия здорового чувства собственного достоинства.

В рамках психоанализа существует понятие нарцистического расстройства личности. Главной особенностью подобных расстройств является «*расстройство эго*», *дефицит* стабильной и способной на интеграцию структуры эго. Когда индивид не испытывает чувства собственного достоинства, окружающие предстают перед ним в необыкновенно привлекательном свете. Тогда оживленная болтовня посторонних людей напоминает о собственной «интеллектуальной бесцветности». Подобные *обесценивающие* чувства столь невыносимы, что внезапная вспышка раздражения или самобичевание кажутся человеку меньшим злом.

Рассмотрим попристальнее две особые формы зависимости, осложняющие нашу жизнь.

Прежде всего следует упомянуть *половую зависть*, зависть, возникающую между полами. Широко известное фрейдовское понятие зависти к пенису, то есть зависти, которую испытывает девочка к мальчику, или в метафорическом смысле, — женщина к мужчине, роль которого в современном обществе, несмотря на все усилия феминисток, остается неизмеримо значительнее женской, — зачастую воспринимается неверно. Нам не составляет труда понимать зависть к пенису как выражение своего рода социальной зависти. Но мы наталкиваемся на трудности всякий раз, когда пытаемся объяснить, что же такое на самом деле зависть к пенису. В настоящее время почти не осталось представителей психоаналитического лагеря, склонных трактовать подобную зависть как «маленькое отличие» с большими последствиями. Тем не менее в психоаналитической практике встречается достаточно пациенток, для которых имеет важное значение зависть к мужским

гениталиям. И это неудивительно, коль скоро пенис — зримый орган, а женские гениталии не бросаются в глаза. Женщина может завидовать мужчине еще и потому, что, в отличие от нее, мужчину, в силу естественных причин, нельзя принудить к половому акту, если он не возбужден. В связи с этим мужчина защищен от изнасилования, между тем, женщина, даже не испытывающая полового возбуждения, рискует быть изнасилованной в любую минуту. Именно поэтому Фрейд писал, что анатомическое строение человека — это «судьба» и анатомическое различие между мужчиной и женщиной никак нельзя считать «маленьким».

Чем более склонна женщина ощущать собственную *неполноценность* и *несовершенство*, тем значительнее ее зависть к мужчине. Поэтому подобная зависть также возникает как следствие дефицита, в данном случае дефицита в генитальной сфере. Если же женщина, напротив, уверенно чувствует себя в женской роли и гордится собой, то у нее нет оснований в чем-либо завидовать мужчине.

Менее известен тот факт, что *мужчины* тоже завидуют *женщинам*, поскольку последние способны зачать, выносить, родить и кормить грудью ребенка. У примитивных народов сохраняется ритуальный обычай мужских родов. Когда женщина рожает, ее муж лежит в постели и за ним также ухаживают. Европеец особенно завидует женскому бюсту; не случайно обнаженная грудь является излюбленным предметом изображения во многих иллюстрированных журналах.

Зависть к братьям и сестрам — явление широко распространенное. Младшие завидуют превосходству старших, а те, в свою очередь, завидуют младшим, потому что родители относятся к ним с большим трепетом. Кто из родителей не знает случаев, когда один ребенок

с гневом ломает игрушку другого, только потому, что у него такой нет. Ребенок размышляет приблизительно следующим образом: если у меня такой игрушки нет, то не бывать ей и у другого. Наблюдая за детьми, можно без особого труда заметить связь между их поведением и завистью, тщательно скрываемую взрослыми.

Широко распространена также *возрастная зависть*, зависть, которую испытывают дети и родители. Родители завидуют молодости, здоровью, беспечности, свободе детей и, не в последнюю очередь, их сексуальной раскрепощенности. Дети завидуют тем преимуществам, которые предоставляет родителям их возраст, а также общественному положению, знаниям, размеренности половой жизни родителей. Психоанализ свидетельствует о том, что зависть, которую испытывает младенец к материнской груди, к этому неисчерпаемому источнику, к этой молочной реке с кисельными берегами, отзывается во взрослом возрасте. Известный психоаналитик Мелани Клейн, умершая в 1960 году в Лондоне, впервые заговорила о деструктивном влиянии младенческой зависти, которое выявляется в процессе психоаналитического лечения детей; в настоящее время это общепризнанный факт. Кроме того, подобная зависть заявляет о себе и в процессе психоаналитической терапии взрослых людей.

Зависть имеет вредные последствия для развития ребенка. В связи с тем что объект зависти подвергается воображаемому унижению и уничтожению, он перестает приносить пользу ребенку, которого мучает стыд и раскаяние за гипотетический проступок. Ребенка пугает перспектива наказания и ввергает в отчаяние сознание того, что он покушается на то, в чем более всего нуждается. Во многих неудачах и промахах повинна зависть. Речь идет о людях, которые «не могут добиться успеха»

(Freud, 1915). Индивиду нелегко смириться с мыслью о том, что у другого человека есть то, чего не хватает ему. Если индивид будет свысока посматривать на собственность человека, которому он завидует, то, очевидно, его чувство собственного достоинства возвращается, однако вместе с тем он потеряет последнюю надежду на помощь.

Не следует также забывать о *социальной ипостаси зависти*. Зависть произрастает еще и на почве *реальной социальной несправедливости*. Как избежать зависти ребенку из малообеспеченной семьи, который видит, насколько велика разница между его ограниченными возможностями и перспективами, открывающимися перед другими детьми? Может ли безработный юноша смотреть без зависти на отпрысков солидной буржуазной семьи, посещающих гимназию? Возможно ли, чтобы рабочие и ремесленники не завидовали учащимся институтов и университетов, которые просыпаются, когда им угодно, располагают досугом для чтения, для размышления, пользуются случаем, чтобы поучаствовать в дискуссии и заявить о своей политической позиции?

Полагать, что зависть, продиктованную *социальной несправедливостью*, можно интерпретировать исключительно с *психологической* точки зрения, значит умышленно ограничивать себя рамками одного метода исследования. Стремясь дать зависти исчерпывающее психоаналитическое толкование, исследователи допускают ошибку. В данном случае более ощутимую пользу способны принести *политические* мероприятия, направленные на то, чтобы предоставить всем гражданам более или менее равные шансы. Для этого сделано уже немало и в сфере образования, и в сфере здравоохранения. Однако многое сделать еще предстоит.

Тем не менее не стоит поддаваться иллюзии и верить в то, что различия между людьми могут исчезнуть. Ведь различия между полами, между родителями и детьми, между братьями и сестрами вполне естественны и неизбежны. Устранить их не под силу никакой политической системе, поскольку они возникают вместе с человеком, как и его физические данные. Остается лишь поступать следующим образом: не преувеличивать значение такого рода различий в процессе воспитания ребенка. Кроме того, следует компенсировать различия между имущими и неимущими с помощью социальных пособий, а также налоговых льгот, в распределении которых необходимо отдавать предпочтение многодетным семьям перед бездетными и женатым людям перед холостыми. Таким образом мы сделаем все возможное для того, чтобы предотвратить возникновение зависти.

Помимо этого, можно попытаться превратить зависть в *здоровую конкуренцию*. Вместо того чтобы зариться на чужую собственность и расходовать все силы на зависть, мы могли бы, следя мысли Гете, постараться самостоятельно получить то, чем желаем владеть. Необходимо критически анализировать сложившуюся ситуацию всякий раз, когда возникает соблазн *недооценивать* собственные и *переоценивать* чужие возможности. Завистнику следовало бы обратить внимание на собственные преимущества, которые он не замечает, зачарованный совершенствами человека, вызывающего его зависть. Так, женщина, завидующая превосходству мужчин и их лидирующему положению в обществе, может произвести «переоценку ценностей» и открыть для себя преимущества, которые таит в себе ее невостребованная женственность.

Разумеется, различия между людьми от этого *не* исчезнут. Поэтому идея общества, свободного от зависти, — это утопия. Однако *родители* способны воспитать у своих

детей чувство собственного достоинства. Несмотря ни на что, мы должны постараться не показывать детям пример преувеличенного карьеризма, основанного на зависти. Это лучший способ ее предотвращения. Несомненно, успех предприятия зависит также от более или менее стабильных условий существования семьи. Однако заботиться об этом — *задача государства*. Что же касается уверенности в собственных силах, то это *личная задача каждого из нас*.

В том случае, если два данных условия соблюдены, индивид получает возможность без зависти оценивать достоинства другого человека. Он может сказать себе: если у меня и нет того, чем обладает этот человек, то у меня есть то, чего нет у него. Половая зависть не играет значительной роли для человека, уверенного в собственной половой идентичности. Коль скоро индивид ценит себя, пропадает почва для экзистентной зависти. Если человек осознает, что он из себя представляет, он спокойно относится к своеобразию постороннего, не испытывая желания *стать таким же*.

Зависть — это чувство, которое можно причислить к страстям, поскольку оно представляет собой особый род пристрастия и приносит страдания. Значение зависти нельзя недооценивать, но не стоит его и переоценивать. Своевременно замеченная зависть может быть преодолена, что позволит людям избежать многих неприятностей и бесполезных страданий.

РЕВНОСТЬ

Человеку, обремененному работой и не располагающему ни досугом, ни силами для любви и страсти, чувство ревности чуждо. От ревности оберегает его бесстрастность и бесчувственность. Однако когда-

то каждый из нас был впервые без памяти влюблен, не очень уверен в себе и познал горькую ревность. Человек испытывает невыносимую боль, стоит только ему пред ставить, что его возлюбленный встречается не с ним, а с кем-то другим. Оправдано это подозрение или нет, в момент переживания значения не имеет; страдание уже въелось в душу.

В подобном состоянии духа человек вряд ли способен вести себя рационально. В такие моменты его поведение во многом продиктовано иррациональными мотивами, над которыми не властен его рассудок. Ревность преследует его повсюду. Прогуливаясь с любимым человеком, он подозрительно озирается; он не позволяет любимой женщине надевать броские платья, прихорашиваться и т. д., поскольку все это, по его мнению, может служить приманкой для ненавистного соперника. Подобный мужчина старается никогда не упускать любимую женщину из виду. Если же она уходит от него, то он упорно ее преследует, поручает друзьям следить за ней или даже нанимает частного сыщика. Застав свою подругу врасплох на месте преступления, «*in flagranti*», ревнивец испытывает невыносимую боль, поскольку обнаруживает реальные свидетельства того, что заложило основуего страданий и поддерживало их.

Ревность влечет за собой другие чувства, сопровождаемые вспышками страстей. Например, женщина может испытать ярость при мысли о неверности своего возлюбленного. Она способна даже его возненавидеть. Таким образом, ревность — это одна из причин того, что любовь может внезапно обернуться *ненавистью*, которая бывает подчас столь значительна, что индивид стремится любым способом причинить страдания, оскорбить и унизить любимого им человека. Подобная ненависть во многом остается подавленной и проявляется в виде

измывательства над возлюбленным. Женщины нередко подвергают мужчин пристрастным допросам, требуют, чтобы они во всех подробностях описали встречу с другой дамой. При этом важное значение для ревнивой женщины имеет не столько поведение возлюбленного, сколько образ действий ненавистной соперницы.

Иногда раздражение, ненависть или гнев, вызванные ревностью, не выражаются открыто, а обращаются на самого ревнивца и приводят к *самоненавистничеству*; ревнивец сам себя изводит. Это самоистязание соткано из сомнений, которые произрастают на почве недоверия. Человек разрывается между сомнениями в верности возлюбленного, в своей способности любить и желанием быть любимым. *Самоистязание* оборачивается пассивностью, беспомощностью, разочарованием и в конце концов приводит к состоянию, не исключающему самоубийства. До такого состояния способен дойти человек, чувствующий себя бесконечно униженным и оскорблённым.

Ревность может иметь и другой исход: *активность*, жажду деятельности. Если беспокойство первоначально обязано своим возникновением возрастающему недоверию, сопровождаемому желанием преследовать неверного возлюбленного, то рано или поздно оно превратится в *месть*. В данном случае ревность ослепляет человека, как гнев. Ревнивец желает отомстить не столько неверному возлюбленному, сколько ненавистному сопернику, похитившему любимого человека. Ревнивец преследует соперника, оскорбляет его, угрожает ему физической расправой, полагая, что тот должен искупить свою вину. Этого повода для мести вполне достаточно. В основе же подобной напряженности чувств лежит разочарование, которое переживает ребенок в процессе отношений с отцом и матерью. Понять и объяснить ревность

взрослого человека без учета предшествовавшей этим чувствам первичной травмы невозможно.

Страсть может не угасать годами и даже десятилетиями. В трагедии Уильяма Шекспира «Отелло» ревность становится причиной убийства.

В наше бесстрастное время подобные чувства выражаются не столь ярко; они, скорее, вытесняются за порог сознания ценой разнообразных психических расстройств. Например, современный мужчина, подозревающий жену в неверности и испытывающий в связи с этим ревность, не станет «горячиться» подобно литературным героям, но в один прекрасный день он заметит, что не в состоянии читать. У него прекрасное зрение, он различает отдельные буквы, но не может воспринимать слова и уж тем более предложения. В процессе психоанализа выясняется, что с ним произошло. Он обнаружил у жены любовную записку, адресованную другому мужчине. Нахodka так его потрясла, что буквы с тех пор продолжают «прыгать» у него перед глазами. и он не в силах вникнуть в смысл написанного. Героически преодолев приступы душевной слабости и сознательно отказавшись от ревности и ненависти к неверной супруге, а также от первого желания убить соперника, он подавил свои чувства, направил их вовнутрь и поплатился невротическим симптомом, расстройством зрения. Выходит, что ревность может ослеплять буквально.

Данный мужчина мог бы страдать от желудочных болей, периодических сердечных спазмов, депрессии или навязчивых мыслей. Обратившись со своими жалобами к врачу, он прошел бы основательное медицинское обследование и мог бы попасть в больницу. Но никаких результатов лечение не принесло бы до тех пор, пока врач не начал бы подозревать, что причина заболевания кроется в психическом отклонении, и не посоветовал бы

пациенту пройти курс психоанализа. В процессе психоаналитической терапии на поверхность всплыли бы страдания, подобные тем, которые испытывали литературные герои, вкушавшие сладость разделенной любви и погружавшиеся в пучину ревности, когда возлюбленный им изменял.

Неверность и ревность тесно взаимосвязаны, ведь поводом для ревности служит тот факт, что кто-то любит не нас, а другого. Каждый из нас знаком с чувствами острой боли, мучительной горечи и невыносимой печали, возникающими в тот момент, когда человек, понимает, что ему предпочли другого, или даже просто предполагает это. В такие моменты человек ощущает, что навсегда лишился чего-то очень ценного, словно пострадал от руки грабителя. Внутренняя опустошенность, вызванная потерей, сопровождается печалью.

Индивид, испытывающий ревность, не может избавиться от мысли, что сейчас, когда он одинок, любимый человек проводит время с ненавистным соперником или соперницей. Поэтому в контексте межличностных отношений социальным аспектом ревности является *изолированность*. Человек чувствует, что его бросили, предали, что он никому не нужен. Это чувство обязано своим возникновением той уверенности в любви близкого человека, которая была свойственна индивиду прежде. Поэтому в общей картине *психического состояния* доминируют *разочарование* и связанная с ним *обида*. Чем сильнее любовь и психологическая зависимость индивида от любимого человека, а также чем отвратительнее измена, тем значительнее травматизация.

Подобный опыт отрицательно оказывается на чувстве собственного достоинства и лишает человека уверенности в собственных силах. Требуется недюжинная

сила воли для того, чтобы подвергнуть такое разочарование психической переработке. Однако именно этого не хватает тем, чья ревность достигла размеров страсти. Поэтому они обречены выбирать между ненавистью, местью и самобичеванием.

Таким образом, метаморфозы ревности продиктованы невыносимой *нарцисстической* обидой, способной значительно занизить самооценку. Ненависть и месть являются лишь подсобными средствами, помогающими выдержать натиск унижений и предательства и вернуть себе потерянное чувство собственного достоинства. Анализируя скрытые мотивы ненависти, мести и самобичевания, приходишь к выводу, что в подавляющем большинстве случаев решающее значение имеет уязвленное чувство собственного достоинства. Победа соперника раскрывает индивиду глаза на два обстоятельства: во-первых, его любовь не так уж и бесценна и, во-вторых, объект любви потерян, а следовательно, любовь стала бессмысленной. Получается, что данный индивид проявил полную неспособность любить. Осознавать это обидно. Ревность, словно безжалостное зеркало, показывает человеку, кто он на самом деле. Следовательно, стыд и боль ревности объясняются *разочарованием в собственном идеале*. Ненависть и месть являются *внешними* проявлениями ревности, скрытая причина которой — оскорбленное чувство собственного достоинства.

Индивид может ненавидеть своего бывшего партнера или соперника и испытывать желание отомстить одному из них. Анализ свидетельствует, что мужчина агрессивно относится к изменившей ему *партнерше*, если он надеялся на то, что, оставаясь пассивным, будет окружен ее любовью. Если он любит женщину активно, иными словами, если его любовь является ярко выраженным чувством, а не желанием быть любимым, то он

преследует *соперника*. В первом случае поведение мужчины свидетельствует о его склонности к *пассивной любви*, что обуславливает его неспособность адекватно реагировать на чувства партнерши, и указывает на то, что, узнав об измене, он будет чувствовать себя покинутым. Во втором случае речь идет об *активной любви*, которая дает мужчине силы обрушить свою ненависть на соперника.

Любопытно отметить, что за *ненавистью* к сопернику нередко скрывается *любовь* к нему, которую современное общество склонно третировать, поскольку относится эта любовь к человеку *того же пола*. Однако отнюдь не все, что сопровождает отношения между людьми одного пола, носит откровенно гомосексуальный характер. Бессознательно ревнивец гораздо больше интересуется соперником, нежели своей бывшей возлюбленной. Но презрение, с которым относится общество к подобной симпатии, вынуждает индивида убеждать себя, например, в том, что не он, а его бывшая возлюбленная любит соперника, проецируя тем самым гомосексуальные компоненты ревности на партнершу и изгоняя их из сознания. В патологических случаях латентная гомосексуальность может привести к *параноидальной ревности*. Человек, испытывающий подобные чувства, считает любой поступок партнерши доказательством ее неверности, несмотря на то, что никаких реальных оснований подозревать ее в чем-либо подобном нет.

Помимо скрытых гомосексуальных импульсов значительную роль в возникновении ревности может играть *собственное побуждение* индивида изменить партнеру, которое бессознательно проецируется на последнего и воспринимается затем как его желание. Следовательно, сила ревности прямо пропорциональна готовности самого ревнивца на измену.

В детском возрасте все мы испытали чувства, связанные с ревностью. Ребенок любит свою мать пассивно и вскоре с горечью понимает, что не может добиться от нее ответного чувства, ведь даже самая нежная мать и самый заботливый отец время от времени оставляют ребенка ради друг друга. Данный опыт убеждает ребенка в том, что всякий раз, когда он желает, чтобы кто-нибудь его любил, он рискует оказаться брошенным на произвол судьбы.

Следующее драматическое открытие ребенок делает тогда, когда замечает, что его первая активная любовь осталась «неразделенной»; мать, отец или другой близкий человек не ответили ему взаимностью или, по крайней мере, не отнеслись к его чувствам с желаемым трепетом. В данном случае степень травматического воздействия обратно пропорциональна неспособности взрослых положительно отреагировать на импульсы ребенка.

На мой взгляд, данная *первичная травма* стоит у истоков ревности и сопутствующих ей чувств. Речь идет о *психическом* состоянии ребенка, о его желании быть любимым, о поощрении его нежных чувств. Ребенок ощущает себя отвергнутым, брошенным, изолированным, отщепенцем, выставленным за дверь дома, в котором наслаждаются любовью и счастьем другие. Эту ситуацию можно назвать *социальной*. Данный первичный опыт закладывает основу для всех последующих невротических расстройств и других психопатологий. Поэтому «стержневым комплексом» невроза следует считать *чувство заброшенности*, а не эдипов комплекс, для которого характерны описанные Фрейдом инцестуозные фантазии и воображаемое умерщвление родителей. В *реальности* мы сталкиваемся со следующими обстоятельствами: нас не любят, наша любовь

не входит в резонанс с чувствами окружающих, нас бросают на произвол судьбы. В связи с этим есть основания предполагать, что продиктованные эдиповым комплексом фантазии мальчика о совокуплении с матерью и убийстве отца, носят компенсаторный характер и помогают преодолеть *невыносимое чувство заброшенности и одиночества*. С психоаналитической точки зрения эдиповы фантазии и чувства представляют собой защитный маневр детского эго. Данный подход к рассмотрению «триангулярной» ситуации, в которую попадает ребенок, балансирующий в психологическом смысле между отцом и матерью, позволяет закрыть бесполезные и утомительные дебаты, участники которых никак не могут сойтись во мнении, является ли основной причиной невротических расстройств *эдипов конфликт в рамках треугольника отношений или конфликт нарцистического характера*. Треугольник отношений, из которых исключен ребенок, *уже включает в себя нарцистическую травматизацию*. Вне зависимости от того, отстраняется ли объект детской любви от ребенка ради другого лица или данное лицо вторгается в отношения между ребенком и близким ему человеком и разрушает их, эдипов конфликт и нарцистическая травматизация остаются двумя составляющими одного *психического состояния и одной социальной ситуации*.

Разумеется, согласиться с тем, что в основе развития человека лежит данный *принцип*, очень непросто. Мы продолжаем мучить себя и своих близких ревностью, ненавистью, раздражительностью и местью, и порой в наших душах бушуют такие страсти, что мы готовы пойти на убийство и самоубийство; мы продолжаем страдать от психических расстройств, мигрени, сердечных недомоганий, депрессий и сомнений, которые являются следствием вытеснения ненависти, гнева и чувства

мести, вместо того, чтобы осознать неизбежность определенных переживаний.

Каждому из нас самому решать, как распорядиться со своей ревностью. Если мы осознаем, что все мы испытывали в детстве чувства беспомощности и крайней зависимости, что всех нас однажды бросали ради другого, что подобный опыт является закономерностью человеческого развития, то мы обретем силы для того, чтобы смириться с реальностью и не расплачиваться болезнями за неизбежные потери. *Осознавая* неизбежность болезненного чувства беспомощности, мы получаем *шанс* мобилизовать и реализовать потенциал психической энергии, которую таят в себе ревность и другие страсти. В результате межличностные отношения только выиграют, станут более интенсивными и плодотворными.

ЖАДНОСТЬ И ЛЮБОПЫТСТВО

Жадность — это базис, общий знаменатель всех страстей. Желаем ли мы получить сексуальное наслаждение, добиться взаимности со стороны возлюбленного или лелеем свою любовь к последнему, наши стремления в большей или меньшей степени продиктованы жадностью. О чем бы мы ни мечтали — об изысканных кушаньях и напитках, о богатстве, о власти, о славе, — глубинный мотив всех желаний — жадность.

Поясню свою мысль. Когда человек к чему-нибудь стремится, в чем-то нуждается, он испытывает потребность *заполучить* желаемое, и только тогда он испытает удовлетворение. В противном случае он будет чувствовать себя опустошенным. Например, прием воды и пищи — необходимое условие нашего существования, поэтому голод и жажда являются наиболее ярко выраженными влечениями, а голодовка оказывается самым эффективным способом обратить на себя общественное внимание.

Младенец не в состоянии прокормить себя самостоятельно. Поэтому он зависит от матери и физически, и психологически. Не случайно мы называем таких детей

грудными*, ведь их вскармливают грудью. Процесс приема и переваривания пищи, а также дальнейшего использования полученной таким образом энергии для формирования физической субстанции можно сравнить с «потреблением» и «усвоением» душевной теплоты, созидающей «субстанцию» психическую, которая подобно телу имеет свое строение, свою психическую «структурой».

Патологическая жадность находит свое выражение в мании, например в наркомании, поскольку наркотики сулят жизнь без проблем. Человек постоянно испытывает в чем-то крайнюю нужду: в пище, в оргазме, в женской груди, в мужчине, в его пенисе.

Мании и перверсии являются утрированным выражением зависимости индивида от окружающих. Амбивалентность между желанием и нежеланием что-то иметь, иными словами, между жадностью и защитной реакцией на последнюю отчетливо проявляется на примере распространенных психосоматических расстройств, ожирения и истощения. Человек, страдающий ожирением, испытывает непреодолимое желание поглощать как можно больше пищи, а индивид, страдающий от истощения, относится к материальной пище пренебрежительно и предпочел бы питаться воздухом. Он боится зависимости, подозревая, что прием пищи может ему повредить, и в связи с этим себя ограничивает.

Следовало бы сделать вывод, что человек, страдающий истощением, не испытывает жадности. Однако психоанализ свидетельствует о том, что защитная реакция отрицания служит прекрасным прикрытием для чрезвычайно выраженной жадности. Это неминуемо

* Der Säugling (нем.) — младенец, от глагола säugen — кормить грудью. — Прим. переводчика.

приводит к срывам, и человек втайне делает как раз то, что он, казалось бы, отрицает. Причиной подобной реакции являются расстройства ранних отношений между матерью и ребенком, связанные с актом отдачи и получения. Преодолеть данные проблемы непросто, поскольку они слишком рано возникают и быстро входят в привычку.

Любопытство — это желание выведать как можно больше нового, своего рода жадность до новостей*. Любопытным мы называем человека, который испытывает непреодолимое желание постоянно узнавать что-то новое, человека, алчущего новостей.

Родство любопытства и жадности очевидно: их объединяет желание заполучить что-нибудь в свою собственность, инстинктивный импульс, требующий удовлетворения. Однако, в отличие от жадности, любопытство избирательно и довольствуется лишь чем-то новым. Речь идет о внешнем раздражителе, с которым любопытному человеку еще ни разу не приходилось сталкиваться. Именно такой раздражитель пробуждает и стимулирует любопытство. Привычное, знакомое не удовлетворяет любопытного человека, его влечет только новое.

Наряду с сексуальностью, размножением и базовыми потребностями — голодом, жаждой, сном и бодрствованием — самоутверждение и любопытство являются своеобразными элементарными системами мотиваций (Lichtenberg, 1989), способными вызывать столь же значительный эффект, что и страсти. «Исследова-

---

* Die Neugier [нем. любопытство] — сложносоставное слово, образованное путем соединения прилагательного пеи [нем. новый] и существительного die Gier [нем. жадность]. — Прим. переводчика.

тельская манера поведения» и «пытливость» также являются выражением влечений, подчиненных биологическим закономерностям. Поэтому мы говорим о жажде знаний и об информационном голоде.

Познание доставляет удовольствие. Путь к знанию полон предвкушения и энтузиазма. Момент открытия можно сравнить с оргазмом. Поэтому любопытство — это *позитивная*, плодотворная и творческая страсть, стремящаяся к наслаждению. Благодаря любопытству люди познают неизведанное. Запретный плод сильнее всего возбуждает любопытство.

Под воздействием воспитания любопытство может быть подавлено. Происходит подобное нередко, поскольку, как правило, пытливость включает в себя наряду с развитием речи и мышления *сексуальное любопытство*. Ребенок желает знать, откуда берутся дети и какую роль играют в их появлении на свет отец и мать. Он с рвением пытается отыскать ответ на данный вопрос и не успокаивается, пока в этом не разберется. В поисках ответа на помощь ребенку приходит воображение. Ребенок начинает выдвигать различные гипотезы возникновения человека, поначалу нерешительно, затем более настойчиво рассуждает он о рождении из пупка или о зачатии путем проникновения сперматозоида в яйцеклетку, однако не понимает, каким образом это происходит. Постепенно он разрабатывает ряд теорий, касающихся сексуальности, зачатия и рождения. Данные фантазии представляют собой подлинные *творения*, которые превращают ребенка в независимое существо и заполняют его внутренний мир образами, чувствами и любовью. Он самоотверженно ищет ответ на любой вопрос и добивается своего. Однако ответ открывает еще больше вопросов. Если ответ на тот или иной вопрос умышленно

утаивается от ребенка или родители отказываются отвечать малышу, то он обижается и перестает задавать вопросы. Последствия этого бывают плачевными. В сознании человека любопытство остается навсегда связанным с наказанием, неприятными переживаниями, стеснением, отвращением и чувством вины. Подобный человек старается задавать поменьше вопросов. Это ограничение, а также травматизация и страх перед угрозой наказания формируют невротический комплекс, включающий в себя «торможение, тревогу и симптом» (Freud, 1926). Развитие человека, не задающего вопросы, останавливается.

Положительные результаты, которые нередко достигаются в процессе психоаналитической терапии после того, как устраняются тревога и торможение, возникшие еще в детстве как реакция на неприемлемое, но вполне естественное любопытство к половым вопросам, свидетельствуют о том, что при отсутствии свободы в данных вопросах отсутствует и любопытство.

Любовь к зрелищам заставляет нас смотреть на нечто невиданное широко раскрытыми глазами, что объясняется «фаллическим» удовольствием от проникновения в ситуацию. В психоаналитическом контексте это означает, что сущность любопытства обусловлена двумя психосексуальными стадиями развития: в оральной стадии доминирует потребление, а в стадии генитальной — проникновение. Эта последовательность имеет одинаковую силу и для девочек, и для мальчиков. Наряду с «потреблением» (фаллоса, семени во время полового акта, а также информации по интересующему вопросу) женщины испытывают характерную для мужчин потребность в психологическом проникновении, в исследовании и изучении.

Любопытство особенно велико в латентный период, когда индивид испытывает минимальный половой интерес. Преисполненный тем же волнением, которое некогда охватывало ребенка, размышляющего над половыми вопросами, подросток исследует реальность. Он с восторгом «проглатывает» авантюрные романы, в которых рассказывается о пещерах и сокровищах, и сам стремится испытать новые ощущения. Любопытство — это двигатель интеллекта, это восхитительная и волнующая погоня за знанием; стимулом для нее служит неподатливость реальности, которую человек хочет покорить во что бы то ни стало, а результатом ее оказывается раскрытие все новых и новых перспектив.

КОРЫСТОЛЮБИЕ, СКУПОСТЬ, ВЛАСТОЛЮБИЕ И ЧЕСТОЛЮБИЕ

Корыстолюбие, властолюбие и честолюбие не принято относить к человеческим страстиам. Тем не менее всем нам знакомы люди, которые со страстью преумножают свое *состояние* и пекутся о нем до самой смерти, прямо-таки «маниакально» цепляясь за свою собственность. Нередко можно встретить людей, питающих страсть к *власти и господству* и не успокаивающихся до тех пор, пока они не добьются влиятельного положения в политике, экономике или науке, которое требуется им лишь для того, чтобы упиваться властью.

Честолюбие и желание пользоваться уважением и почетом людям отнюдь не чужды, несмотря на то, что подобные потребности зачастую подвергаются вытеснению. Но, говоря по существу, кто из нас не мечтал хоть раз в жизни стать известным подобно признанным футболистам, голливудским звездам, почитаемым в народе политикам, всесторонне образованным ученым и вызывающим восхищение художникам? Коль скоро честолюбие может достигать значительной интенсивности, имеет смысл вести речь о страсти. Французский философ Рикер называл корыстолюбие, властолюбие и често-

любие «страстной троицей», за которой скрывается универсальное «стремление», представляющее собой «модальность человеческих желаний».

Корыстолюбие подразумевает алчное желание заполучить какой-либо предмет или человека и как можно дольше им владеть. Корыстолюбивый человек стремится подчинить все своим интересам — время и пространство, товары и деньги, движимое и недвижимое имущество, одним словом, стремится разбогатеть. Если его действия продиктованы судорожным желанием собственника любыми средствами сохранить свое имущество, то правомерно вести речь о *скупости*.

Классический пример корыстолюбия мы находим в комедии Мольера «Скупой». Для отвратительного Гарпагона содержимое кошелька имеет большее значение, чем счастье собственных детей. Действительно, для скупых людей весь смысл существования сосредоточен в их имуществе. Зачастую к скупости присоединяется возрастающий до размеров мании страх перед ограблением. Следовательно, имеет смысл рассматривать *метаморфозы скупости* как особый путь развития страсти, подобно метаморфозам ревности и зависти. В данном случае патология указывает на возможные последствия преувеличенной зависимости от материальных благ. Индивид пытается «инвестировать» денежный капитал в чувство собственного достоинства. Если человек страдает от низкой самооценки, то материальные блага оказываются для него незыблевой ценностью. Стоит ему лишиться ценной вещи, как он понимает, что потерял все. В психологическом контексте это объясняется тем, что индивид не склонен давать себе как субъекту удовлетворительную оценку, поэтому его чувство собственного достоинства напрямую зависит от размеров капитала

и в случае потери последнего исчезает единственная ценность, единственный фактор его психологического равновесия. Имущество символизирует истинные ценности: чувства уверенности, защищенности и безопасности, которые первоначально внушала индивиду мать.

В том случае, если ребенок испытывал недостаток в подобных чувствах, то в дальнейшем он будет стремиться его компенсировать. Например, не добившись от окружающих взаимной любви, человек постарается возместить данное чувство в воображении, стимулируя фантазии театральными постановками, кинофильмами и телевизионными передачами.

Психоанализ подобных людей свидетельствует о том, что развитие их приостановилось. Они испытывают ярко выраженную психологическую зависимость от вещей, которая в полном соответствии с нашим определением страсти отнимает у них крайне много сил и времени. Человек, страстно «делающий» деньги, коллекционирующий ювелирные изделия, драгоценные камни, монеты или произведения античного искусства и получающий от поисков, собирательства, владения и хранения вещей несоразмерное этому занятию удовлетворение, живет за счет других чувств. Эта однобокая и непреодолимая страсть обходится ценой не только иных чувств, но и межличностных отношений, поскольку отношения подразумевают способность отдавать, которой лишены люди, желающие только получать. Желание заполучить человека и владеть им исключает возможность вступить с ним в нормальные отношения. Отношения нельзя приобрести и превратить в частную собственность. Характерной особенностью отношений является способность воспринимать визави таким, каков он есть, и отказ от желания им владеть и распоряжаться.

Если человек ощущает, что его используют как объект, который можно приобрести и затем уверенно владеть приобретением, он постараётся избежать подобных отношений. Тем не менее мотив собственничества весьма распространён. Психологическое развитие многих людей приостанавливается на той стадии, которая в рамках психоанализа описывается непопулярным термином «анальная». Основой чувства собственничества служит первичное желание ребенка не расставаться с собственными экскрементами, которые в его глазах равнозначны настоящим сокровищам. *Отдать* их — большая потеря для ребенка, а удержать значит получить прибыль. Эта закономерность особенно отчетливо проявляется в том случае, если ребенок страдает от недостатка нежности со стороны главного участника отношений. В этой ситуации объект, представляющий собой производное самого ребенка, оценивается чрезвычайно высоко, что было бы исключено, если бы окружающие более заботливо и внимательно относились к ребенку.

Однако и забота поощряет развитие только при условии того, что она лишена эгоизма. Если родители заботятся о ребенке как о своей собственности, которую следует хранить как зеницу ока, то ни о каком поощрении развития не может быть и речи. В рамках психоанализа существуют понятия «экспроприативной» любви, «посессивного» (эгоцентричного) отношения. Подобное отношение наносит вред созревающему детскому эго, способно притормозить развитие ребенка и сеет зерна, из которых в дальнейшем может прорости психоз. Любовь должна быть неназойливой, достаточно нежной, но не утрированно нежной. Назойливая, экспроприативная любовь закладывает основу неврозов и психозов, а также равнодушия и бессердечности. Родительская любовь — чувство, которому необходимо учиться.

Властолюбие — это наслаждение властью, упоение господством. Человек, испытывающий подобные чувства, желает пользоваться неограниченной властью, подчинить себе окружающих, достигнуть превосходства над ними. Нередко этому желанию сопутствуют заносчивость, сарказм и критическое отношение к властям, а также беспощадная жестокость, которая находит свое выражение в преследовании и убийстве инакомышляющих. В ретроспективе история предстает в виде череды конфликтов между властителями и подданными. Существует любопытная закономерность: тот, кто стремится свергнуть правительство, добившись своей цели и заполучив власть, моментально превращается в тирана.

Альфред Адлер назвал стремления к власти и самоутверждению базовыми влечениями. Однако возникает вопрос, откуда черпают данные влечения энергию? На мой взгляд, стремление к власти представляет собой комплекс конфликтных переживаний, для которого характерны две следующие особенности: во-первых, страсть, о наличии которой свидетельствует пылкость подобных чувств, а также их способность охватывать всю личность индивида; во-вторых, черты, указывающие на то, что данные чувства являются выражением стремления завязать отношения, хотя следует отметить, что речь идет о неравных отношениях, подразумевающих деление на господина и подчиненного. Крайним вариантом властолюбия является предельный, патологический эгоцентризм, представляющий собой своего рода манию, подобную нарцистическому расстройству и ориентированную не на *отношения с объектом, а исключительно на себя*.

Индивид старается стать как можно значительнее, поскольку в детстве он понял, как унизительно быть

незначительным. Этим объясняется та важность, которую мы придаем признанию наших идей в процессе дискуссий, политических дебатов, в рамках искусства и науки. В данных ситуациях мы наталкиваемся на *соотношение власти*, иными словами, вступаем в отношения, участники которых могут оказаться либо господами, либо подчиненными. В связи с этим можно утверждать, что любые человеческие отношения далеки от равновесия. Профессионал всегда чувствует себя более сведущим, чем любитель, и это дает ему власть. Учитель имеет влияние на ученика, мать и отец — на ребенка.

К сожалению, профессионал нередко испытывает искушение злоупотребить своей властью. Зачастую это происходит совершенно незаметно. Человек может сознательно или бессознательно утаивать свои знания, запугивать ими, угрожать расправой. В связи с этим особую важность приобретает контроль над властью. Обуздание необузденных стремлений к власти — вопрос выживания человечества.

Страстное честолюбие ориентировано исключительно на самого индивида. И если раньше честолюбием называли стремление к славе, то сейчас мы склонны вести речь о внутренней потребности в самоутверждении. Человеку необходимы зримые свидетельства признания его заслуг. В основе своей данное стремление, равно как и *тищеславие*, сводятся к жадности, которая является общим знаменателем всех страстей. Стремясь к самоутверждению, человек алчет получить то, что могло бы поднять его цену в собственных глазах, возвысить собственную личность, увидеть себя во всем блеске своих достоинств. Внимание окружающих к нашей личности волнует нас и льстит нашим нарцисстическим чувствам. Поэтому люди любой ценой стремятся привлечь к себе

внимание общества. Честолюбие заставило Герострата поджечь храм Артемиды в Эфесе с единственной целью — войти в историю.

В этой связи Зигмунд Фрейд проводил параллель между мочеиспусканием, огнем и тушением огня. При поверхностном отношении тот факт, что Фрейд сводил честолюбие к «выраженной уретрально-эротической основе» (Freud, 1905), может вызвать неодобрительное удивление. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что пылкость честолюбивых чувств сродни огню, который пылает, черпая свою энергию из резервуара влечений. Неудивительно, что маленький мальчик хочет продемонстрировать окружающим, как ловко он может затушить огонь своей струйкой. Стремясь достигнуть определенной цели, взрослый мужчина повторяет в сублимированном виде экспгибиционистские действия малыша. Женщины тоже испытывают желание самоутвердиться и хотят приобрести авторитет в обществе, подобно мужчинам. Предпосылкой для успешного достижения этой цели является способность преодолеть привитые воспитанием стыд и комплекс неполноценности, заменив их здоровым мужским или женским чувством собственного достоинства.

«Здоровое» честолюбие придает нам силы, вызывает у нас волнение, не превышающее допустимый уровень, создает напряженность между нашим идеальным представлением о себе и нашим реальным образом. Доля страсти не может помешать в таком важном предприятии, как реализация идеального представления о себе.

В случае «патологического» честолюбия человек готов пожертвовать ради самоутверждения любовью к партнеру, детям и друзьям. На фоне искаженной человеческой жизни становится более отчетливым *фундаментом* страсти.

ментальный принцип бытия: стремление к самоутверждению. Утвердившись, мы обретаем здоровое чувство собственного достоинства. Если человека ценят окружающие, он также может оценить себя.

В основе здорового самоутверждения лежит положительный детский опыт; ребенку необходимо ощущение того, что окружающие трепетно относятся к его человеческому бытию и своеобразию. Это означает, что на каждой стадии развития ребенок нуждается в определенном поощрении. Например, на «орально-сенсорной» стадии развития о нем следует заботиться в соответствии с его основными потребностями, в частности, с неослабевающим желанием вкушать пищу, любовь и нежность. На «анально-моторной» стадии ребенка следует уважать как беспокойного «крепыша», опробывающего свои физические возможности и регулирующего свою власть путем задержки дефекации. На «уретральной» стадии, которую можно назвать также уретральной стадией честолюбия, перед нами «гордый малыш», отказавшийся от пассивного мочеиспускания и целящий, по крайней мере, воображаемую способность «напрудить» большую лужу и затушить посредством мочеиспускания огонь. На «генитальной» стадии следует поощрять развитие половой («фаллической» в случае мальчика и «клиторально-вагинальной» в случае девочки) идентичности ребенка. Необходимо особо подчеркнуть, что девочки нуждаются в самоутверждении никак не меньше мальчиков и только при этом условии могут чувствовать себя полноценными существами.

Ребенку необходимо, чтобы родители уважали те его интересы, которые преобладают на определенной стадии развития. В том случае, если малыш ощущает теплое, уважительное отношение со стороны родителей, то повзрослев, он сможет повторить слова Иоганна Вольф-

ганга Гете: «От батюшки досталась мне стать <...>, от матушки — веселый нрав...» Прекрасным продолжением этому могут служить слова Зигмунда Фрейда: «Уверенность в успехе и очарование, навеянные безраздельной любовью матери, сохраняются на всю жизнь и нередко влекут за собой успех подлинный».

«Уверенность» и «внимание» тесно взаимосвязаны. Если родители не проявляют к ребенку должного внимания, то в дальнейшем его будут преследовать чувство неуверенности и комплекс неполноценности, что, по мнению Поля Рикера, закономерно приводит к «хрупкости» человеческой личности.

Человеческая жизнь немыслима без внимания и заботы. Поэтому все мы в ответе за то, чтобы наше общество экономического благоденствия приобрело более гуманные черты и не превратилось в общество «безотцовское», «сиротское». Всем нам нужно побольше отцовского, материнского, родственного, одним словом, человеческого внимания.

О ВОЗМОЖНОСТИ НОВОГО ОТНОШЕНИЯ К СТРАСТЯМ

Рационально настроенные сторонники технического прогресса не учитывают всех факторов, определяющих человеческую жизнь. Убежденные или спонтанные преобразователи, живущие под утопическим девизом: «Будь реалистичным, требуй невозможного!», упускают из виду одно важное обстоятельство: существование человеческих влечений, врожденной страсти человеческой натуры. Эту энергию невозможно безнаказанно втиснуть в рамки определенной схемы, воспринимая людей сквозь призму статистики и систематизируя их словно автоматы, с помощью которых можно и нужно добиваться осуществления экономических или политических задач. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»*.

В интересах нашего выживания — познать собственные страсти, правильно их оценить и научиться ими управлять. Прежде всего речь идет о таких конструктивных страстях, как любовь и эротическое чувство. Тем

---

* Евангелие от Матф. 16.26. – Прим. автора.

не менее здоровая ненависть, праведная ярость, отрадная месть и открытая вспышка гнева предпочтительней годами подавляемых злости и враждебности, обрекающих нас на мигрени, желудочные недомогания, расстройства дыхания и гипертонию.

К человеческим страстям относятся также зависть и ревность, которые мы, как подобает просвещенным европейцам, стараемся не замечать, а в крайнем случае подавляем, идя на поводу у оскорбленной гордости и задетого тщеславия. Не лучше ли было бы открыто признать, что порой у нас возникает и зависть, и ревность, и, вместо того чтобы скрывать подобные чувства, поговорить о них по душам с человеком, которому можно доверять.

Для того чтобы избежать ненависти и гнева, мстительности и ярости, зависти и ревности, необходимо не только научиться правильно управлять данными чувствами, но и устраниТЬ их основную причину. Помочь в этом способны групподинамические сеансы, участники которых имеют возможность выплеснуть свою агрессивность. Первая терапия, дающая возможность выражать гнев в буквальном смысле криками, позволяет освобождать людей, превратившихся в «марионеток цивилизации», от сковывающего их «панциря» характера и в процессе психоаналитической работы извлекать на поверхность мотивы, берущие начало в детском возрасте, помещая их в центре внимания нынешней психоаналитической ситуации.

Чаще всего мы называем страстями любовь, эротическое чувство и сексуальность. Если в процессе взаимообогащающего общения между людьми эти страсти волются в чувственный диалог, естественным образом дополненный эротизмом и сексуальностью, то человеческие отношения, в том числе чисто профессиональные, только выигрывают.

Предпосылками для этого являются *отрицание* ограниченных моральных представлений, не сопровождаемое страхом потерять над собой контроль, а также *утверждение* чувственности в разумных эмоциональных пределах.

Стимул для этого индивид может получить только из ид, поскольку ид — это резервуар энергии, источник любых страстей. Ид подобно сжатой пружине, колебания которой дают это силы для действий. В этом смысле это подчиняется влечениям ид, подобно платоновскому всаднику, который вверяет себя коню, чтобы достигнуть определенной цели быстрее, чем пешеход. Следовательно, это не отворачивается от влечений, а поддерживает с ними тесную связь, подпитывая свою мускулатуру кровью, которую вырабатывает ид.

Страстность характеризует человека не меньше, чем его интеллект, убеждения и речь, и может быть интегрирована в это. Основные мотивы человеческого поведения коренятся глубоко в страстности и определяют своеобразие личности. Эту мысль подтверждает, в частности, то обстоятельство, что мы лучше узнаем человека, когда видим его во власти сильных чувств: любви, ярости, фанатичной политической идеи или воодушевления, возникающего на пороге открытия.

Однако нам необходимо осознать также свою скрытую агрессивность, подавленные гнев и злость. Мы предпочитаем не обращать внимания на данные негативные страсти, поскольку природа их слишком примитивна, вытесняем их или проецируем на окружающих: «преступников», «бездомных», «сумасшедших», «чужаков», «иностраницев», «евреев». Поистине, нам легче заметить соломинку в глазу ближнего, чем бревно — в собственном. Осознать свое бездушие нелегко, но это разочарование стоит того, коль скоро благодаря

этому мы получим возможность совершенствоваться в процессе межличностных отношений. В таком случае примитивный гнев, это «ужасающее и жестокое животное» — как метко выразился еще в 1538 году отец современной психологии Жан Луи Вив, — окажется на службе этого, будучи в него интегрированным, и в диалогическом плане обогатит нашу личность. Внимание друзей и чувство принадлежности к определенной группе могут помочь индивиду в осознании примитивных страстей, чреватым травмой для чрезвычайно уязвимого чувства собственного достоинства. При этом недостаточно того, что данные чувства будут осознаны. Необходимо их *прочувствовать*.

Иными словами, речь идет не только о том, чтобы осознать бессознательное, но и о том, чтобы *почувствовать доселе неощущимое*.

Родители, ответственно относящиеся к воспитанию своих детей, имеют возможность влиять на развитие их склонностей, выбирая для этого оптимальную психологическую дистанцию. Таким образом, дети перестанут служить корыстным интересам родителей, средством для компенсации упущенной любви и неудач.

Предпосылкой для этого может оказаться *общественное мнение*, поощряющее подобных отцов и матерей, а кроме того материальная поддержка, финансирование детских учреждений. Отдав ребенка в детский сад или ясли, родители на целый день освобождают себя от утомительных хлопот, связанных с малышом, и не наносят ему вред своим неминуемым раздражением. Общество сверстников дает ребенку пищу для размышлений и воспитывает самостоятельность. Забирая ребенка из детского сада, соскучившиеся без него мать и отец, радуются встрече с малышом и проявляют гораздо больше нежности и заботы, чем в том случае,

если бы им пришлось целый день неотрывно провести со своим отпрыском. Мы можем доверить посторонним людям заботу о наших детях, однако не для того, чтобы махнуть на них рукой. Ребенок должен постоянно ощущать, что мама и папа рядом с ним, и даже если их нет в данную минуту, то они где-то поблизости и скоро появятся.

Женщинам воплощение этого замысла дается тяжелее, чем мужчинам, ведь девочек воспитывают, как правило, в соответствии с господствующим в обществе женским идеалом «миролюбивой» особы. Считается, что женщина должна быть ласковой, податливой, нежной, любящей, преданной, готовой к состраданию, и полагают так не только мужчины, но и сами женщины.

Мужчины могли бы взять на себя часть ответственности за воспитание детей. Коль скоро мужчина и женщина имеют равные права для реализации своих профессиональных качеств, почему бы мужчинам не попробовать себя в качестве отцов. Поддаваясь настроениям, царящим в обществе, мы переоцениваем значение профессиональной карьеры и недооцениваем роль домохозяйки и домовитого мужчины, отца и матери, а также перспективы, открывающиеся в общении с детьми, подростками, которые, взрослея, становятся нашими друзьями. Они дают нам возможность вновь ощутить, казалось бы, давно вытесненные чувства, эмоции, страсти, поскольку бессознательно мы видим в детях свое отражение, свое детство, свою юность. Общаясь с детьми, мы начинаем лучше понимать не только их, но и самих себя; мы размыкаем порочный круг изоляции. Таким образом, непреодолимая агрессивность, интегрированная в это, способна стимулировать нас, подобно конструктивной страсти, обогащающей межличностные отношения.

Мы еще не осознали, насколько велико значение страстей и их влияние на здоровье человека. Мы бы не стали открыто выражать эмоции, связанные с ненавистью и любовью, эротизмом и мстительностью, ревностью и завистью, если бы нами не руководило то, что Эрнст Блох именует принципом надежды, если бы мы не уповали на достижение недостижимого и недоступного, черпая свою уверенность в любопытстве. Даже желание познать страсть и вера в свои потенциальные возможности являются хорошим подспорьем в формировании нового отношения к страстям.

«Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день за них идет на бой» *.

---

* Иоганн Вольфганг Гесц. Фауст. М., 1954. стр. 342 – Прим. переводчика.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adler A.: Über den nervösen Charakter. München u. Wiesbaden, 1992.
- Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J. u. Sandford R. N.: The Authoritarian Personality, London (Norton), 1969.
- Aristoteles: Nikomachische Ethik. Deutsche Aristoteles Gesamtausgabe, Bd. 6, übersetzt und kommentiert von F. Dirlmeier, Darmstadt (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), 1974⁶.
- Balint M.: Über genitale Liebe, in: die Urformen der Liebe und die Technik der Psychoanalyse, Bern/Stuttgart (Huber/Klett), 1966.
- Bloch E.: Das Prinzip Hoffnung, Bd. 1, Frankfurt (Suhrkamp), 1959.
- Casanova G. G.: Memoiren. Wiesbaden (Brockhaus), 1964.
- Descartes R.: Über die Leidenschaften der Seele. Leipzig (Meiner), 1911.
- Eibl-Eibesfeld I.: Liebe und Haß. München (Piper), 1970.
- Erikson E. H.: Jugend und Krise. Die Psychodynamik im sozialen Wandel. Stuttgart (Klett), 1970.
- Foundrain J.: Wer ist aus Holz? München (Piper), 1971.
- Freud S.: Gesammelte Werke, Bd. 1 – 17. London (Imago), 1952.
- Fromm E.: Die Kunst des Liebens. Berlin (Ullstein), 1956.
- Goethe J. W.: Die Leiden des jungen Werthers. In: Goethe's Werke. Bd. III, Berlin (Deutsche Buch-Gemeinschaft), 1967.
- Hegel G. W. F.: Grundlinie der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundriß. Frankfurt am Main (Fischer Bücherei), 1968.
- Janov A.: Der Urschrei. Frankfurt am Main (Fischer), 1975.

- Kant I.: Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. In: Kant Werke, Bd. 10. Darmstadt (Wissenschaftliche Buchgesellschaft).
- Katz S. J. u. Liu A. E.: Im siebten Himmel ist die Luft so dunn. Die große Liebe und andere romantische Illusionen. Zurich (Kreuz), 1992.
- Kernberg O. F.: Aggression und Liebe in Zweierbeziehungen. *Psyche* 46, 797 – 820, 1992.
- Klein M.: Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. Stuttgart (Klett), 1962.
- Kohut H.: The Analysis of the Self. New York (Int. Univ. Press), 1971.
dt. Narzißmus, eine Theorie der psychoanalytischen Behandlung narzißtischer Störungen. Frankfurt am Main (Suhrkamp), 1973.
- Kohut H.: Überlegungen zum Narzißmus und zur narzißtischen Wut. In: Die Zukunft der Psychoanalyse. Frankfurt am Main (Suhrkamp), 1975.
- Kutter Th.: Die großen Sportspiele – Ursprung, Mythos, Kunst. Unveröff. Manuskript 1944.
- Lerner H. G.: Wohin mit meiner Wut? Stuttgart (Kreuz), 1987.
- Lichtenberg J. D.: Psychoanalysis and Motivation. Hillsdale, NJ (USA) (The Analytic Press), 1989.
- Lorenz K.: Über tierisches und menschliches Verhalten. München (Piper), 1965.
- Lowen A.: Bio-Energetik, Reinbeck (Rowohlt), 1975.
- De Mandeville B.: Die Bienenfabel. Berlin (Beck), 1957.
- Masters W. H. und Johnson V. E.: Die sexuelle Reaktion. Reinbeck (Rowohlt), 1970.
- Mitscherlich A.: Aggressivität und Anpassung. *Psyche* 10, 177 – 193 u. 12, 523 – 531, 1956 u. 1958.
- Mitscherlich A.: Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie. München (Piper), 1963.
- Mitscherlich-Nielsen M.: Müssen wir hassen? Über die Konflikte zwischen innerer und äußerer Realität. München (Piper), 1972.
- Mitscherlich-Nielsen M.: Vom Ende der Vorbilder. Vom Nutzen und Nachteil der Idealisierung. München (Piper), 1978.
- Mitscherlich M.: Die friedfertige Frau. Eine psychoanalytische Untersuchung zur Aggression der Geschlechter. Frankfurt (Fischer), 1985.
- Moser T.: Körpertherapeutische Phantasien. Frankfurt am Main (Suhrkamp), 1989.
- Nemiah G. & Sifneos P. E.: Affect and Fantasy in Patients with Psychosomatic Disorders. In: O.W. Hill (Hg.): Modern Trends in Psychosomatic Medicine. London (Butterworth), 1970.

- Nitzsche F.: Werke in drei Bänden, hg. von K. Schlechta. München (Hanser), 1966.
- Nitzschke B.: Sexualität und Männlichkeit. Zwischen Symbiosewunsch und Gewalt. Reinbeck (Rowohlt), 1988.
- Norwood R.: Wenn Frauen zu sehr lieben. Reinbeck (Rowohlt), 1990.
- Olivier C.: Jokastes Kinder. Die Psyche der Frau in Schatten der Mutter. Düsseldorf (Classen), 1987.
- Pascal B.: Gedanken. Eine Auswahl. Stuttgart (Reclam), 1956.
- Perls F.: Grundlagen der Gestalt-Therapie. München (Pfeifer), 1977.
- Platon: Philebos und Timaios. In: Sämtliche Werke, Bd. III. Köln und Olten (Hegner).
- Richter U.: Die Rache der Frauen. Formen weiblicher Selbstbehauptung. Stuttgart (Kreuz), 1991.
- Ricoer P.: Die Fehlbarkeit des Menschen. Phänomenologie der Schuld I. Freiburg/München (Alber), 1971.
- Rogers C. R.: Die Klientenzentrierte Gesprächspsychotherapie. Frankfurt am Main (Fischer), 1983.
- Sartre J.-P.: Entwurf einer Theorie der Emotionen. In: Die Transzendenz des Ego. Reinbeck (Rowohlt), 1964.
- Schoeck J.: Der Neid. Eine Theorie der Gesellschaft. Freiburg/München (Alber), 1966.
- Schopenhauer A.: Die Welt als Wille und Vorstellung. Köln (Atlas) o.J.
- Sternberg R. J. u. Barnes M. L.: The Psychology of Love. New Haven u. London (Yale University Press), 1988.
- Stoller P.: Perversion — Die eritische Form von Haß. Reinbeck (Rowohlt), 1979.
- Thomas von Aquin: Auswahl, Übersetzung u. Einleitung v. J. Pieper, Frankfurt am Main (Fischer), 1956.
- Vives J. L.: De Anima et Vita. (Über die Seele und das Leben) 1538.
- Wellek A.: Die Polarität im Aufbau des Charakters. Bern (Francke), 1950.
- Wieck W.: Männer lassen lieben. Stuttgart (Kreuz), 1987.
- Wundt W.: Grundzüge der Physiologischen Psychologie. Leipzig (Engelmann), 1911.

Дополнительные источники

- Alberoni F.: Erotik. Weibliche Erotik, männliche Erotik — was ist das? München (Piper), 1986.

- Aries P., Béjin A., Foucault M. u.a.: Die Masken des Begherens und die Metamorphosen der Sinnlichkeit. Zur Geschichte der Sexualität im Abendland. Frankfurt am Main (S.Fischer), 1982.
- Badinter E.: Die Mutterliebe. Geschichte eines Gefühls vom XVII Jahrhundert bis heute. München/Zürich (Piper), 1981.
- Von Baeyer W. & von Baeyer-Katte W.: Angst. Frankfurt am Main (Suhrkamp), 1973.
- Bataille G.: Die Tränen des Eros. München (Matthes & Seitz), 1981.
- Baumgard H.: Liebe, Treue, Eifersucht. Reinbeck (Rowohlt), 1985.
- Benjamin J.: Die Fesseln der Liebe. Frankfurt am Main (Stroemfeld/Roter Stern), 1990.
- Bergmann M. S.: The Anatomy of Loving. New York (Columbia University Press), 1987.
- Brocher T.: Von der Schwierigkeiten zu lieben. Stuttgart (Kreuz), 1977.
- Casriel D.: Die Weiterentdeckung des Gefühls. Schreitherapie und Gruppendynamik, München (Goldmann), 1977.
- Dannecker M.: Das Drama der Sexualität. Frankfurt am Main (Athenaum), 1987.
- Euler H. A. & Mandl H. (Hg.): Emotionspsychologie. Ein Handbuch in Schlüsselbegriffen. München/Wien/Baltimore (Urban & Schwarzenberg), 1983.
- Fromm E.: Anatomic der menschlichen Destruktivität. Reinbeck (Rowohlt), 1977.
- Gambaroff M.: Sag mir, wie sehr liebst Du mich. Frauen über Männer. Reinbeck (Rowohlt), 1987.
- Grammler K.: Signale der Liebe. Die biologischen Gesetze der Partnerschaft. Hamburg (Hoffnung u. Campe), 1993.
- Hassenstein B.: Verhaltensbiologie des Kindes. München (Piper), 1987.
- Heider U. (Hg.): Sadomasochisten, Keusche und Romantiker. Vom Mythos neuer Sinnlichkeit. Reinbeck (Rowohlt), 1986.
- Izard C. E.: Die Emotionen des Menschen. Eine Einführung in die Grundlagen der Emotionspsychologie. Weinheim und Basel (Beltz), 1981.
- Kahle G.: Logik des Herzens. Soziale Dimension der Gefühle. Frankfurt am Main (Suhrkamp), 1981.
- Kakar S. & Ross J.: Über die Liebe und Abgründe des Gefühls, München (Beck), 1986.
- Kernberg O. F.: Mature Love. Prerequisites and Characteristics. J. Am. Psychoanalytic Association, 22, 4 743–768; 1974.

- Kernberg O. F.: Sadomasochismus, sexuelle Erregung und Perversion. Zeitschrift f. psychoanalytische Theorie und Praxis, 8, 4, 319–341, 1993.
- Krause R.: Zur Onto- und Phylogene des Affektsystems und der Beziehung zu psychischen Störungen. Psyche, 37. 1016–1043; 1983.
- Laqueur T.: Auf den Leib geschrieben. Die Inszenierung der Geschlechter von der Antike bis Freud. Frankfurt am Main/New York (Campus), 1992.
- Lauster P.: Die Liebe. Psychologie eines Phänomens. Reinbek (Rowohlt), 1982.
- Lenz J. M. R.: Philosophische Vorlesungen für empfindsame Seelen. Frankfurt u. Leipzig (Scrini), 1780.
- Levitt E. E.: Die Psychologie der Angst (4 Aufl.) Stuttgart (Kohlhammer), 1979.
- Lorenz K.: Das sogenannte Böse. Wien (Borotha-Schoeler), 1963.
- Reiche R.: Geschlechterspannung. Frankfurt am Main (Fischer), 1990.
- Riemann F.: Die Fähigkeit zu lieben. Stuttgart (Kreuz), 1988 (4. A).
- Schöttler C. u. Kutter P. (Hg.): Sexualität und Aggression aus der Sicht der Selbstpsychologie. Frankfurt am Main (Suhrkamp), 1992.
- Unger R. M.: Leidenschaft. Ein Essay über Persönlichkeit. Frankfurt am Main (S. Fischer), 1986.
- Wiedermann H. G.: Homosexuelle Liebe. Stuttgart (Kreuz), 1982.
- Wulf C. (Hg.): Lust und Liebe. Wandlungen der Sexualität. München (Piper), 1985.
- Wyss D.: Lieben als Lernprozeß. Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht), 1975.
- Zimmer D. E.: Die Vernunft der Gefühle. Ursprung, Natur und Sinn der menschlichen Emotionen. München (Piper), 1981.

ПЕТЕР КУТТЕР

**ЛЮБОВЬ,
НЕНАВИСТЬ,
ЗАВИСТЬ,
РЕВНОСТЬ
Психоанализ
страстей**

*Перевод с немецкого
С. С. Панкова*

Редактор А. А. Иванова
Обложка художника А. И. Кузнецова
Технический редактор Т. Н. Гладышева
Корректор Н. Н. Скосырева
Компьютерная верстка Е. С. Хабадзе

Издание подготовлено ТОО «Б.С.К.»
Лицензия ЛР № 063995,
выдана 01.03.95.

Подписано в печать 11.03.98. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать офсетная. Печ. л. 7,5. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Б.С.К.»
199053, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 25.

Господа!

Если Вам необходимо издать книгу,
«Издательско-полиграфический Комплекс»
готов взять на себя все Ваши заботы
от редакторской подготовки до разработки
оригинал-макета и печати тиража.

Мы также принимаем заказы на:

- ◆ Оперативную печать книг и брошюр в мягком переплете малыми (от 300 экземпляров) и средними (до 5000 экземпляров) тиражами
- ◆ Дизайнерскую разработку и изготовление полноцветных плакатов, буклетов, фирменных и рабочих календарей
- ◆ Печать фирменных бланков и накладных, в том числе на самокопирующейся бумаге
- ◆ Упаковку продукции и книг в термоусадочную пленку

**Наш телефон в Санкт-Петербурге:
(812) 323-33-93, факс (812) 230-03-68**

Уважаемый читатель!

Издательство «Б.С.К.» предлагает следующие книги:

Серия «Библиотека аналитической психологии»

Карл Густав Юнг
ЧЕЛОВЕК И ЕГО СИМВОЛЫ

Джеймс Уайли
В ПОИСКАХ ФАЛЛОСА
Приап и инфляция мужского

Джеймс Холл
ЮНГИАНСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

Дарэл Шарп
ТИПЫ ЛИЧНОСТИ
Юнговская типологическая модель

Валерий Зеленский
АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Словарь

Джеймс Хиллман
АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Джеймс Хиллман
ИСЦЕЛЯЮЩИЙ ВЫМЫСЕЛ

Адольф Гуггенбюлль-Крейг

Книга 1.

**ВЛАСТЬ АРХЕТИПА
В ПСИХОТЕРАПИИ И МЕДИЦИНЕ**

Книга 2.

БЛАГО САТАНЫ

Парадоксы психологии

Книга 3.

БРАК УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ БРАК!

Книга 4.

НАИВНЫЕ СТАРЦЫ

Анализ современных мифов

Мария-Луиза фон Франц

Книга 1.

ПСИХОЛОГИЯ СКАЗКИ

Книга 2.

АЛХИМИЯ

Книга 3.

ПРОРИЦАНИЕ И СИНХРОНИЯ

Карл Густав Юнг

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тавистокские лекции

Серия «Современный психоанализ»

Петер Куттер

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Д. Джейкобс, П. Дэвид, Д. Майер

СУПЕРВИЗОРСТВО

Техника и методы корректирующих консультаций

Клаудио Наранхо

ПЕСНИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Майкл Кан

**МЕЖДУ ПСИХОТЕРАПЕВТОМ
И КЛИЕНТОМ**

Издания, выпущенные совместно
с Восточно-Европейским институтом психоанализа

Карен Хорни

НЕВРОЗ И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ

Динора Пайнз

**БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
СВОЕГО ТЕЛА ЖЕНЩИНОЙ**

Телефон: (812) 323-33-93, факс: 230-03-68